ПИОНЕР

ДА ЗДРАВСТВУЕТ 1-ое МАЯ

9

„Молодая Гвардия"

БЮРО ОБСЛУЖИВАНИЯ

ОТВЕЧАЕМ НА ВСЕ ВОПРОСЫ

ПРИЕМ ЕЖЕДНЕВНО

ВОПРОС:

1. Кто такие мещане?

Москва. О. Кучуйкова

ОТВЕТ:

1. Мещане—это люди, которые ставят свои личные интересы выше общественных. Все свои знания и способности они направляют на то, чтобы получше одеваться, повкуснее есть, побольше иметь всяких вещей, нравиться другим людям (для этого они пудрятся, подводят брови, губы, носят всякие колечки, брелочки) и т. д. Общественная работа их не интересует. Они бы вообще с удовольствием ничего не делали, если бы можно было жить, не работая.

ВОПРОС:

2. Можно ли насильно брать хлеб с крестьян, т. е. заставлять, чтобы они везли, если у них нет излишков.

Исецк. Д. Тарков

ОТВЕТ:

2. Налогом крестьяне (кроме беднейших хозяйств) обложены в зависимости от количества едоков, земли и вообще своего хозяйства. На уплату налога у крестьянина идет только часть излишка. В случае неурожая или других бедствий (пожаров, засухи и т. п.) крестьянин или частично или совсем освобождается от уплаты налога. Все средства, собираемые у населения от налогов, идут на культурное и хозяйственное строительство страны. Принудительное же взимание хлеба, кроме налогов, допускается в исключительных случаях и только в отношении кулаков, у которых излишки имеются. Желая спекулировать, они прячут эти излишки в то время, как в стране нехватает хлеба.

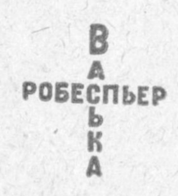
ВОПРОС:

3. Есть ли в Ленинграде памятник Петру I, а если есть, то почему его тогда не уничтожат?

Ст. Атаманская. Г. Цап

ОТВЕТ:

3. Памятники, соборы, ценные как произведения искусства, и остатки старины не уничтожаются, а, наоборот, охраняются советской властью. Памятник Петру I—ценное произведение искусства.

ВОПРОС:

4. Можно ли крещеного пионера и комсомольца октябрить, чтобы изменить имя на революционное?

А. Чубовская

ОТВЕТ:

4. По советским законам всякий гражданин, достигший совершеннолетия (18 лет), имеет право переменить свое имя и фамилию. Не достигшие совершеннолетия меняют свое имя только с согласия родителей или опекунов. Для этого нужно подать заявление в местный совет. Отпраздновать октябрины, конечно, можно.

ВОПРОС:

5. Какие народности были в Америке до открытия ее Колумбом?

Ст. Сацынская, М.Б.Б. ж. д.

В. Эдиэт

ОТВЕТ:

8. До открытия Колумбом Америки там жили многочисленные племена индейцев. Они вели кочевой образ жизни. Но некоторые племена, главным образом Центральной Америки, как инки, были довольно цивилизованными и даже основали большие государства—Мексику и Перу.

ВОПРОС:

6. Годится ли в школьной стенгазете писать одни „прокатки"?

г. Кирсанов. И. Гофреншефер

ОТВЕТ:

6. „Прокатывать" в стенгазете можно. Но нельзя всю ее составлять из таких заметок. Стенгазета должна организовывать школьную и отрядную жизнь, поднимать разные вопросы, например, о помощи неуспевающим, об организации завтраков, о школьном кооперативе и т. д.

На обложке:

Маевка в лесу до революции.

Рис. А. ЛАПТЕВА

К борьбе за рабочее дело—будь готов!

МАЙ

№ 9

ПИОНЕР

двухнедельный иллюстрированный детский журнал

Орган ЦБ детской коммунистической организации имени В. И. Ленина при ЦК ВЛКСМ, МБ юных пионеров при МК ВЛКСМ и Наркомпроса

Рассказ С. ГРИГОРЬЕВА

Рисунки М. АСКИНАЗИ

(История одного изобретения)

I

Стоит мне вспомнить работы на Ржаве Правой, как я сейчас же и прежде всего вижу Дылду и Головастика.

Вижу сожженную генералом Шкуро станцию, на путях наши теплушки, четыре высоких пролетных строения моста и высокие курчавые берега речки Ржавой с осыпями золотистого песка.

На работах моста ударил колокол смены. Если у аппарата дежурил Дылда, он непременно, хоть на минутку вылезет из теплушки в порыжелой и прожженной фуражке начальника станции, с тремя галунами по околышу и с тульей из огненнокрасного когда-то сукна. Заложив руки за спину, Дылда важно пройдет по платформе, исковерканной фугасными снарядами. Дылда начальственно поглядывает по сторонам.

Встретишься с Дылдой в эту минуту, он поддернет штаны, приложит руку к козырьку и басом спросит:

— Ну, служба пути и зданий, как дела? Когда ж, наконец, вы поднимете ферму? Пора, давно пора, а то опять из штаба будет нагоняй депешей.

Дылда говорит со мною строго. Дылде двенадцать лет.

— Ферму, — отвечаю, — поднимем в свое время. Работы идут хорошо...

Навстречу нам уже бежит Головастик. Он сует под крышу теплушки два длинных бамбуковых удилища, подбегает к Дылде и еще издали, запаленно дыша, кричит:

— Сымай!

Дылда неохотно снимает с головы фуражку и отдает ее Головастику.

— Опять насовал всякой дряни, сволочь, — сердится Головастик на Дылду, выкидывая из глубины фуражки набитую туда мятую бумагу: дело в том, что Дылде фуражка чересчур велика, а Головастику, наоборот, мала.

Отдав фуражку, Дылда сразу теряет всю важность и спрашивает:

— Клевало?

— Довольно прилично, на уху натаскал, только все мелочь. Какой у меня язь ушел, „фунтов пяти!" Лопни глазыньки, не вру. К вечеру тоже клев будет...

Головастик напяливает фуражку, охорашивается, надувается индюком и спрашивает:

— Ну, как товарищ технорук, работы? Скоро ли откроем движение? Пора. Давно пора!

Головастик говорит еще строже Дылды. Ему минуло тринадцать лет.

В теплушке четко застрекотал морз. Все трое мы знаем на слух вызов:

— Ржве, ржве, ржве...

Это зовут Ржаву Правую. Мы с Головастиком поспешно лезем в теплушку. Головастик хватается за ключ, отвечает:

— Я—Ржава Правая.

Аппарат у нас пишущий, но ленты давно нет, надо принимать на слух, как склопфера, что мне тогда было внове. Поэтому Головастик читает мне вслух стрекотню телеграфа и повторяет выбивая мои ответы.

— Здесь Николаев Порт. Позовите аппарату технорука.

— Здесь технорук Астахов. Кто аппарата?

— Аппарата политрук Старчинов. Здравствуй.

— Здравствуй.

— Дело, брат, плохо. Нашел всего четыре пресса, они негодны: с поршней сняты уплотнительные воротники.

Я свистнул. Головастик выбивает, повторяя вслух:

— Технорук свистнул.

Аппарат трещит:

— Свисти, не свисти, дело дрянь. Приказ поставить ферму места двадцатому. В каком положении работы?

— Ферма уровне подпятных камней. Надо еще сто, сто тридцать сантиметров. А дальше тпру...

— Повторить, что дальше.

— Дальше технорук говорит тпру, — повторяет Головастик.

— В чем же дело, Астахов?

— В прессах, как ты их называешь, то есть в гидравлических домкратах... Да и бароны перестали выходить на работу.

— Поезжай, Старчинов, Луганск. Ладно. Продукты будут. До свиданья, Астахов. До свиданья, Старчинов. Здесь Николаев Порт. Разговор окончен. Линия свободна. Здесь Ржава Правая. Разговор окончен. Линия свободна.

II

Отступая перед нашим натиском, германцы-оккупанты уронили в речку Ржаву крайнюю ферму моста, подорвав опоры на береговом устое. Ферма упала в воду одним концом, а другим уперлась в первый бык. Откуда-то, не знаю, до наших рабочих дошла басня, что после подрыва моста бывший с немцами русский генерал Шергин кинул с берегового устоя в воду золотой червонец и сказал:

— Легче найти на дне реки этот золотой, чем красным поднять подорванную ферму.

У белых в то время, как и у нас, была бумажная валюта. Однако же люди верили в эту басню. Один золотой в пересказах вырос в горсть червонцев. Вода ушла. Вышли наружу в золотые речные пески. Мы взяли ферму на клетки. Тогда наши товарищи из рабочих артелей все свободные часы занимались тем, что перекапывали высыхающий песок, пересыпали, бороздили сапогами—все искали шергинских золотых.

Ферму мы ставили по приказу командарма. Меня назначили производителем работ по-старому, а поновому техноруком, а политруком Старчинова, чтобы было кого бояться. Я только что соскочил со скамейки института. Политического опыта у меня никакого не было, да и инженером я был „ускоренного выпуска“ из-за войны. Вся сила у нас была в моем помощнике. Иван Иванович Хрящ—техник путей сообщения из дорожных мастеров, старый путеец,—конечно, знал в мостовом деле в тысячу раз больше меня Он был стар, сед, крепок, хрящеват и больше всего любил удить рыбу. На постройку он привез с собой два предлинных, метров по восьми, бамбуковых удилища, а в лубяном саквояжике своем всякий рыболовный припас: плетеные из натурального шелка лески, жилки для навязывания крючков, грузильца, поплавочки и что главное – о чем дознались скоро Дылда и Головастик,—целую дюжину настоящих английских крючков..

Дылду и Головастика я получил вместе с аппаратом, когда возобновили телеграф. Привезли и приткнули к аппарату двух телеграфных учеников, сказав мне кратко:

— Вот вам!

На пожарище Ржавы Правой Дылда с Головастиком раскопали полуобгорелый шкаф и в нем почти нетленную красную фуражку. С облупленного фронтона станции мои телеграфисты сняли обожженную вывеску с едва заметными словами и наколотили ее на дверь теплушки. Тут они заспорили: кому из них быть начальником станции Ржавы Правой и кому помощником. Я этого спора не мог разрешить: я был по службе пути, а они по службе движения, и меня считали за равного. Они помирились на том, что в теплушке с аппаратом, где они и спали, повесили такое расписание:

Служба движения;

Начальник станции: ВАКАНСИЯ.

Дежурный по станции; 1) Дылда.
2) Головастик.

Дылда.

Красная фуражка была для меня ручательством, что смена по службе движения всегда будет на месте. С Хрящом у меня вышло не так гладко. Когда мы в первый раз стояли с ним над низвергнутой фермой вдвоем, Иван Иванович восторженно говорил:

— Боже ж мой, что за речка. Всю жизнь о такой речке мечтал! Смотрите, смотрите, товарищ технорук. Опять рыбка метнулась, вон там опять... Тут омутик, там быстринка. Тут по камушкам отводинка льется, а там из старицы ручеек. Тут и язик есть, и лещик, и щучка, а, может быть, в омуте и налимы; линей и карасей, конечно, невозможно ожидать: речка чистая и быстрая...

— А как вы думаете, Иван Иванович, подымем ферму?

— Очень просто, что и подымем. А что толку?

— Как это, что толку? Такое нам дано задание.

— Ни!—покачал головой Хрящ.—Наше задание не такое. Ну, вы, очень просто, подымете. А дальше что?

— Накатим ферму на место.

— Очень просто, что и накатим. А дальше что?

— Накатили, поставим на место.

— Ни!

— А что же?

— То! Опустить. Не поставить, а опустить на подферменные камни.

— Ну, разумеется, опустить.

Иван Иванович дружески взял меня за пуговицу тужурки.

— Вот что я вам скажу, хлопче. Мы с вами коечему учены. Пускай дурни дивятся, когда мы эту штуку подымем. Да не та велика мысль поднять, а та велика мысль опустить,—так в этом нам с тобой, хлопче, никто не поверит.

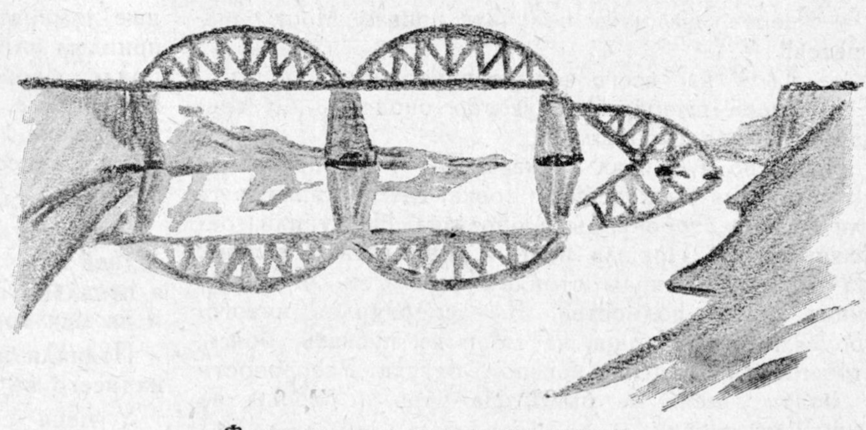
Иван Иванович оказался прав. Ферма весом не менее четырехсот тонн была поднята нами за три месяца на высоту двенадцати метров над водой очень простыми приемами.

Это показалось бы, наверно, чудом всякому незнающему человеку и, конечно, в том числе и генералу Шергину, который, по сказке, кичливо кинул в воду рядом с фермой золотой червонец. У нас все было, что нужно для работы: сколько угодно шпал, бревен, брусьев и досок, восемь ручных

Головастик.

копров с бабами для забивания свай, железное крепление, рельсы, ролики, вагонные скаты, хорошая плотничья артель, слесаря, мостовщики, опытные закопершики и, наконец, сколько угодно живой рабочей силы: к нашим работам одним росчерком пера командарма прикрепили большой немецкий колонок, почти город, Нейкирк. Я мог согнать на работу пятьсот, восемьсот, тысячу, три тысячи человек прекрасных работников. Поля стояли запустелыми, истоптанные гражданской войной. Осенний сев был далеко. Мы прозвали немцев баронами: они работали у нас, храня гордый и надменный вид. Еще бы Германцы лишь только ушли. Фронты после подрыва ржавского моста отошли далеко на другие переправы, однако, не было сомнения в том, что успешность наших работ вернет боевую линию на решающее направление: Вишенки—Нейкирк. Германцы нас могли еще попятить. Однажды, когда ферма была уже нижним поясом выше быков, и мы ее накатывали на свое место, над мостом покружился, не бросая бомб, германский разведчик с черными крестами на крыльях.

Ферма упала в воду одним концом.

— А если глубоко, Иван Иванович?

— Глубоко? Сымай сорочку, сукин сын, ныряй, до той поры ныряй, пока задева не найдешь. Вот как мы рыбу ловили. А вы, хлопче, как? Вы увидали чужие крючки,—готовое дело. Эге ж! Да у Ивана Ивановича крючков целая дюжина. Навязывай новый. А вот теперь вы изобретите мне английский крючок...

Иван Иванович сердито плюнул на песок с высоты двенадцати метров.

— Так нельзя, Иван Иванович. Давай что-нибудь придумаем.

— Это уже вы придумывайте, товарищ технорук.

— А вы что будете делать, Иван Иванович?

— А я пойду себе на речку. Долго ли—бесовы дети последние четыре крючка загубят. Всю жизнь такая речка снилась. Да пропадите вы и с мостом своим.

Иван Иванович пошел от меня прочь.

Больше, чем я, были поражены намерениями Ивана Ивановича Дылда и Головастик. Увидя, что Иван Иванович тянет из-под крыши теплушки свои удилища, Дылда закричал:

— Позвольте, позвольте, кто это вам позволил наши удочки брать?!

— Они уже стали твоими?

— Не моими, а нашими, странный вопрос!

Дылда вырвал из рук Ивана Ивановича бамбуковые удилища. Тот свирепел, и мне едва удалось остановить неравную драку. Я крикнул:

— Дылда! Ржаву вызывают!

Дылда обратился к своим прямым обязанностям, а Иван Иванович сгорбленный и, как мне думалось, глубоко обиженный ушел на реку.

— Ржв-ржв-ржв,—застрекотал наш аппарат. Нас вызывал штаб армии:

— Поднята ли ферма?

— Поднята и накачена.

— Стало быть, мост готов? Нет? Что это значит?

— Это значит, что ферму надо опустить на место.

— Сколько времени займет работа? Необходимо пропустить через мост в сторону Вишенки бронепоезд. Когда будет опущена ферма?

— При наличии подходящих домкратов опускание заняло бы несколько часов. Путь на ферме подготовлен. Сомкнуть рельсы, убраться,— работы всего на две смены, часов двадцать. У нас нет домкратов.

— Где Старчинов?

— Мы потеряли с ним связь. Последний раз говорил из Николаева.

III

Оставалось одно—и Хрящ оказался прав,—самое главное: опустить ферму на опорные камни. Устой и бык были мало повреждены подрывом. Давно ушли с работ каменщики и бетонщики, сделав свое дело. Опускать ферму с помощью бутылочных домкратов было невозможно. Они сослужили нам службу при под'еме фермы. Но тут могли погубить весь трехмесячный труд. Подпертую в сорока, пятидесяти местах бутылочными домкратами ферму нельзя было ровно и плавно опустить понижением стольких опорных точек. Старчинов грозным приказом командарма носился на паровозе по всей округе, исчерченной вдоль и поперек заводскими и рудничными путями, разыскивая обещанные нам и куда-то эвакуированные шесть стотонных гидравлических домкратов,—и вот наконец из шести нашел четыре, но без воротников они не годились, были просто чугунным хламом.

Я пошел сообщить печальную новость Хрящу. Иван Иванович выслушал меня, видимо, равнодушно, что меня обидело и огорчило. Он слушал меня, все глядя на песок, где слонялись без дела и валялись, греясь на солнце, наши люди...

— Надо что-нибудь изобретать, — попробовал я вывести Ивана Ивановича из его грустной задумчивости.

— Изобретайте, ангел мой. Довольно мы с тобой, хлопче, изобретали. Три месяца не знали ни сна, ни покою. У меня еще ни разу и не клюнуло, а твои телеграфисты, в рот им пирога с горохом, у меня все удочки порастаскали. Все, видишь ты, у них задевы. Если у тебя задев, то, хлопче,—сымай штаны, лезь в воду, найди, где задело, отцепи, а не дергай зря с берега...

Я понял, что Иван Иванович, говоря так, имеет в виду вовсе не Дылду с Головастиком, а меня самого. В самом деле у нас в работах получился задев основательный. И зря было дергать старика. Я все-таки сделал робкую попытку хоть рассердить Хряща:

— Через два часа получите приказ. Мост охраняется?

— Да. У нас всего четыре винтовки.

— Здесь штабарм? Разговор окончен. До свидания. Линия свободна.

Напрасно я ожидал приказа. Ток у нас прервался до истечения двухчасового срока: где-то линия, в ту или другую сторону, была обрезана. Наступили тревожные часы. Пришла ночь. Снова встало солнце. На мосту по концам стояли часовые и двое еще внизу около подмостей. Я распорядился никого, кроме меня и Хряща, на мост не пускать, боясь, чтобы нам не пустили красного петуха. Уверенности в людях у меня не было. На утро и бароны не вышли на работу.

Иван Иванович удил рыбу. Он высмотрел себе удобное местечко. На подмытом речкой Ржавой яре выступала кочкой, вися над рекою, глыба дерна. Иван Иванович сидел на глыбе, свесив ноги и закидывал удочки далеко-далеко.

Дылда и Головастик остались без работы. Бездельники больше не соперничали из-за красной фуражки. Они как-будто даже примирились с тем, что Иван Иванович присвоил себе свою собственную рыболовную снасть, ловили в речке Ивану Ивановичу мальков штанами для насадки, копали ему червей, по утренней росе наискали ему отличных выползков. Они на что-то надеялись. К ночи Иван Иванович немножко разочаровал мальчишек тем, что отвязал от удилищ лески с последними крючками, смотал и припрятал отдельно от бамбуковых удилищ.

IV

Странно: у Ивана Ивановича не клевало. Он раза два-три вернулся с реки без добычи. Ни я, ни Дылда с Головастиком не понимали, отчего такая неудача. Сам Иван Иванович ворчал:

— Осталось у меня всего на одной леске два крючка. Ой, и крупная ж тут водится щука: так начисто и об'ела два крючка. Вот тут изобрели бы мне какой ни то крючок. Я бы посмотрел, кто способен изобрести хороший английский крючок.

— А может быть, задевы?—сказал я.

— Что я не понимаю, где щука, где задева? Благодарение богу, я щук ловил еще в ту пору, когда вас, товарищ технорук, еще и в проекте не было.

Вечером я подслушал, как Дылда с Головастиком совещались:

— Этак старый чорт последние два крючка посеет. Надо это дело прекратить.

Не знаю, что они затевали. Ночью Иван Иванович все ворошился и кряхтел на своей койке, но мне не отзывался, когда я его окликал. Мы с ним жили в одной теплушке.

Всю ночь напролет у меня в голове клубились темные мысли все об одном и том же, как опустить ферму без риска, но ничего придумать я не мог. К рассвету, вместо мыслей, началось что-то вроде бреда: я строил мысленно сверхмощные домкраты, представлял себе, что на речку Ржаву приплыл из Ингула пятисоттонный пловучий кран и, поддев ферму на крюк, вертит ее в воздухе, как хочет. На восходе я заснул на час и, пробудясь, увидел, что Ивана Ивановича на койке нет. Не было на их обычном месте и бамбуковых удилищ.

— Ах, старый хрен,—подумал я,—ему хоть бы хны!

Напрасно я прислушивался, не стрекочет ли в соседней теплушке аппарат. Отодвинув дверь теплушки, я печально смотрел на воздвигнутые нами подмости и на них горбатое пролетное строение моста.

Подняли на двенадцать метров, а опустить всего на всего на 1855 миллиметров.

У меня созрело решение: пропадай все, будем опускать при наличных средствах. Если ферму поведет, сам под нее лягу, пусть выдавит кишки!

Я вышел из теплушки. Так и есть: сидит Иван Иванович на своей кочке и одна удочка закинута. Утро тихое. Вода зеркальная. Самый клев. А Хрящ, чтобы ему было пусто, повесил голову на грудь и будто задремал.

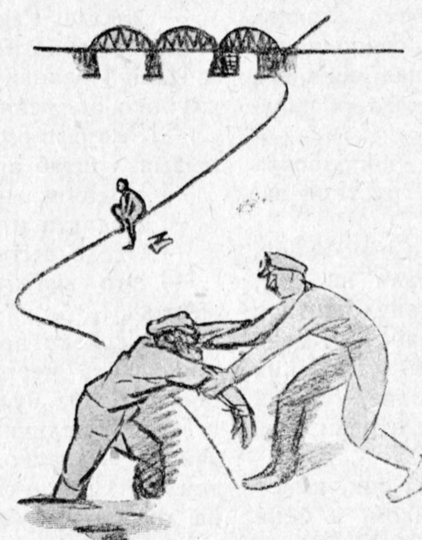
Что это я вижу: Дылда и Головастик крадутся под яром к тому месту, где сидит на кочке Хрящ. Ему сверху не видать мальчишек. Видно, они затеяли над стариком недобрую шутку. Вот уж и мне их не видно. Постояв над берегом реки, я ждал, что будет. Наш стан еще спит. На береговых устоях маячат часовые. Дылды и Головастика все не видать. Любопытство меня разбирало. Но за кустами я пробрался к тому месту, где сидел на кочке Иван Иванович. Подкравшись к яру, я лег на траву и осторожно заглянул вниз. Там под яром Дылда с Головастиком работали руками, выгребая песок из-под выступа яра, из-под кочки, на которой сидел Иван Иванович, сухой песок легко подавался и без шороха сыпался вниз. Увлечение мальчишек подзадорило меня. Ах, будь, что будет! Вот кочка дрогнула, дерн позади Ивана Ивановича расселся. Мальчишки брызнули в стороны. Кочка поползла вниз, а с ней Иван Иванович. Я кинулся ухватить старика. Было поздно. С шумом земля осела и вся глыба, не опрокидываясь, сползла в реку. Иван Иванович очнулся и в ужасе озирался. Он сидел на низеньком, маленьком островке, окруженном водою. Островок оседал и расплывался. Удилище плыло по течению. Дылда поспешно скидывался и поплыл за бамбуком. Иван Иванович вскочил на ноги и рухнул в воду. Я скатился вниз к заплесу, и с моей помощью Иван Иванович, весь вымокший и перепачканный, выбрался на берег. К моему великому удивлению Иван Иванович весело смеялся и весь сиял:

— Ах, бесовы дети, вот молодцы, вот ребята. Ну и спасибо. Вы видали, как с'ехала кочка? Видали или нет? Я даже и не почуял... Ну, товарищ технорук! Теперь!

— Что теперь?

— Вы слыхали про царя Архимеда?

— Иван Иванович! Архимед не был царем,—поправил я, вглядываясь пристально в сияющее лицо старика:

С моей помощью Иван Иванович выбрался на берег

— А кто ж он был?

— Вроде нас с вами, инженер.

— Ага, инженер, ну, это вы инженер, а не я.

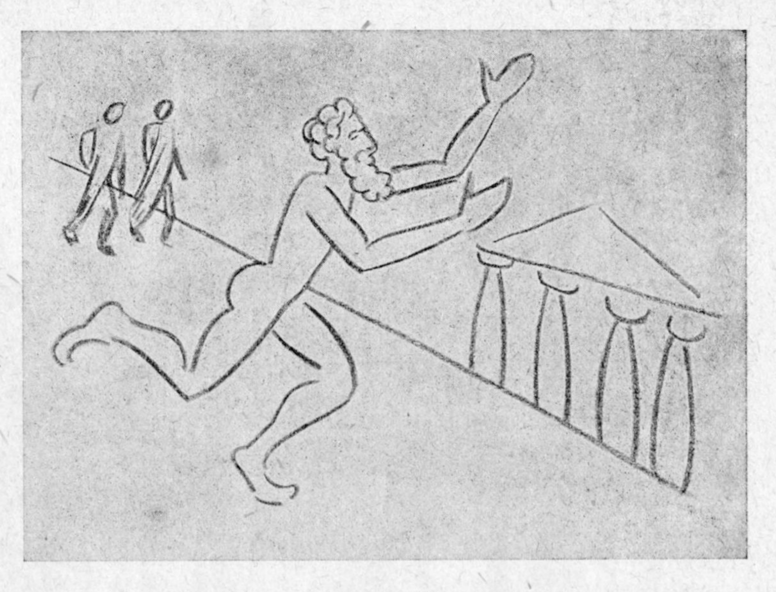
— Да вы, Иван Иванович, больше инженер, чем я.

— Пусть, хлопче, будет по-вашему. Пусть будет инженер Архимед. Так это он закричал: „эврика“! Он? Ну, хлопче, давайте и мы кричать „эврика“!

— „Эврика!“—крикнул я неуверенно за Иваном Ивановичем.

Правду сказать, Иван Иванович Хрящ в эту минуту был довольно похож в своем ликовании на знаменитого ученого древности, когда тот, по преданию, открыл, сидя в ванне, своей знаменитый закон, что тело, погруженное в жидкость, теряет в своем весе ровно столько, сколько весит вытесненная им жидкость. Восхищенный открытием Архимед, как был нагой, выскочил из ванны и побежал по улицам столичного города Сиракуз с воплем:

— Эврика! Эврика! Эврика!

Эврика! Эврика! Эврика!

Приближаясь к Архимеду, Иван Иванович Хрящ начал снимать с себя измоченную одежду. Мы развесили ее на прибрежных кустах сушиться и, забыв про все: про удочки, про Дылду с Головастиком, про всякую обиду, сидели и чертили на песке конструкцию сверхмощного домкрата, множили и делили, вычисляя допустимые на песок давления. Конечно, открытие или, вернее, изобретение Ивана Ивановича Хряща не может ни в какой мере итти в сравнение с открытием Архимеда, но для нас это была именно: „эврика!“ Тут я понял, что в то время, пока я заносился разгоряченною мечтой куда-то в небеса, Иван Иванович, старый практик, смотрел упорно вниз на воду и песок, думая, чем бы заменить могучие домкраты. О рыбной ловле он и не помышлял. Я думал: сон, а то было глубокое раздумье. Крушение кочки заставило Ивана Ивановича встрепенуться и вызвало тот внезапный взрыв огненной мысли, то блистательное озарение после долгой и упорной работы мысли, о котором мы знаем из признаний многих великих умов.

V

Спустя время, Иван Иванович только отмахивался на все мои расспросы о том, как он додумался. Он говорил:

— Напугали, бесовы дети! Ох, боже ж мой, как напугали. То был на сухом и вдруг сижу в воде, и бамбук мой плывет!

Позвольте же мне своими словами восстановить течение мыслей, приведших Ивана Ивановича к важному изобретению. Перед его глазами в мыслях были все время вода и песок. Он все время думал о том, чем заменить гидравлический домкрат. В гидравлическом домкрате нагнетается вода, подымает поршень. Если воду выпускать, поршень опускается. Нам не надо было поднимать, а только опускать. Поэтому нам не надо было нагнетательного насоса. Иван Иванович решил заменить в домкрате воду песком. Вода несжимаема, песок тоже. Вода течет, песок тоже. Вода равномерно передает давление, песок тоже.

Конструкцию песочного домкрата вдвоем с Иваном Ивановичем нам было придумать очень не трудно. Мы построили четыре квадратных сруба, вроде колодезных. Мы рубили их из брусьев в лапу, ласточкиным хвостом, для прочности выпуская остатки. Эти срубы мы поставили меж подферменниками на подферменных площадках по два на каждом конце фермы. Ящики были наполнены сухим просеянным песком. Кое-кто из наших людей наверно думал, видя, что сеют песок: вот и они пустились искать шергинские червонцы. Но червонцы генерала Шергина нам так и не достались. Полные песком ящики мы поставили четыре на поршня тоже из дерева. Теперь ферма лежала на этих поршнях, поставленных на песок, насыпанный в срубах. Когда я приказал выбить клинья из-под нижнего пояса фермы, четыреста тонн даже не крякнуло, ферма прочно стояла на песке. Затем мы стали осторожно выгребать песок из срубов чрез прорубленные в их нижних венцах отверстия со всех четырех сторон. Конечно, в каждый ящик была поставлена миллиметровая рейка и у каждой стоял наблюдатель, выкрикивая опускание песка в миллиметрах. Я следил за опусканием фермы, Иван Иванович командовал рабочим, как выгребать песок. Ферма опускалась правильно и достаточно плавно, уходя моментами то по оси, то поперек, но не более семи-восьми миллиметров в одну сторону.

— Стоит,—крикнул наблюдатель.

— Легла,—поправил Иван Иванович со своего места.

— Ура!—закричали мы, а за нами все товарищи, бросая вверх шапки.

Ферма легла на опорные подпятники правильно. Опускание заняло всего двести двадцать семь минут.

У нас не было ни времени, ни средств испытать мост нагрузкой. Вместо того, я велел бить по ферме бабой, чтобы послушать, как ферма звучит. Ферма под ударами дрожала и звучала монолитно, хорошо натянутой струной. Того дребезга и звона, какой мы слышим, проезжая в поезде по старому мосту, не было слышно. Мост был хорош. Мы все обнимались и целовались. В это время со станции прибежал Головастик с криком:

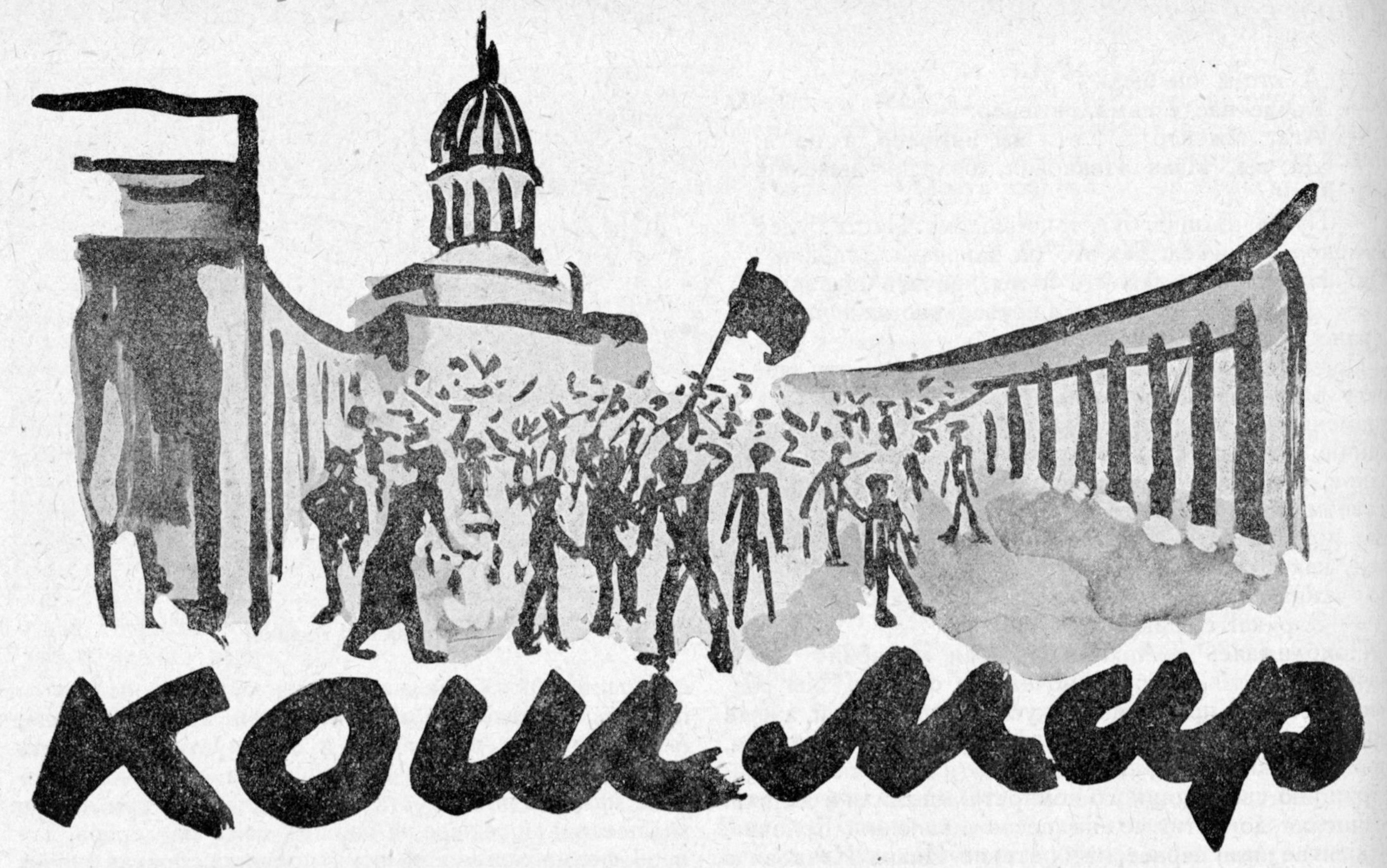
— Товарищ технорук! Прохождение тока! Ржаву зовут. Скорей! Ругаются.

Я побежал к аппарату,

— Здесь Ржава Правая. У аппарата техноРук Астапов.

— Здесь штаб армии. У аппарата Горшков. В каком положении работы на мосту?

(Продолжение на стр. 24).

Кошмар

Воспоминания о первом мае 1905 г. ВЛ. ЛЕНСКОГО
Рисунки М. АСКИНАЗИ

Собрались у Казанского собора. Подходили поодиночке и группами по пять-шесть человек. Толпа у главной лестницы быстро росла, внушая страх благонамеренным обывателям, гулявшим по Невскому проспекту.

Кто-то из толпы поднялся на несколько ступеней и стал говорить. Знакомые и в то же время жутконовые слова заставили всех притихнуть, затаить дыхание. А трусливые обыватели спешили уйти, скрыться, словно их это вовсе не касалось. И медленно, в молчании, подходили со всех сторон небольшими отрядами городовые, окружая площадь непрерывной цепью...

Оратор кончил. Толпа загудела, заколыхалась... Еще кто-то начал говорить...

Вдруг все шарахнулись в сторону, и Афоня, вместе с другими, очутился на панели. Кто-то схватил его сзади за плечо, а еще кто-то взял за руки и стал выкручивать их назад. Он рванулся вперед, вырвался и прыгнул на мостовую. Околодочный надзиратель и городовой снова набросились на него, но сильным взмахом руки он отбросил от себя городового, а околодочному попал кулаком прямо в переносицу, околоточный на мгновение потерял способность видеть и действовать. К ним подоспело еще двое городовых, и все четверо повисли на Афоне, стараясь скрутить ему руки...

Полицейские, повидимому, сочли его одним из главных зачинщиков и руководителей, заметив, что красное знамя развернулось по сделанному им знаку.

— Наших бьют!.. закричал кто-то из товарищей, окружавших знамя.

Но этот крик внезапно покрыл звонкий топот лошадей и другие крики—страха, боли, злобы...

Напрягшись изо всех сил, Афоня вырвал руки, тряхнул своими широким плечами и, сбросив с себя противников, снова прыгнул вперед. И вдруг целый град ударов казацких нагаек посыпался ему на голову, плечи, спину. Вытянув руки перед собой, он нащупал брюхо лошади и нырнул под нее. На мгновение удары прекратились, но лошадь повернулась—и нагайки снова со свистом захлестали по голове и спине.

Вначале каждый удар отзывался страшной болью, как будто тяжелые концы плетей врезывались в тело и раздирали его. Скоро он перестал чувствовать боль в теле, только в сердце с каждым ударом как будто врезалось что-то острое. Сердце больно сжималось, в глазах темнело и мелькали огненные пятна...

Раз десять бросался он под лошадей и опять попадал под град хлещущих нагаек. Низко нагнувшись и инстинктивно закрывая голову уже окровавленными руками, он вертелся и нырял между лошадей, как затравленный зверь, и отовсюду, со всех сторон, куда бы он ни повернулся—на него сыпались удары все чаще и сильнее.

Выхода не было, и, в конце концов, покорившись своей участи, он остановился и, согнув спину и почти уйдя головой в плечи, молча принимал удары, стиснув зубы и сжав кулаки. Силы его оставляли. Он был рад, когда на него снова набросились околодочный и городовые, и свист нагаек прекратился.

Городовые сильно скрутили ему за спину руки, так что кости хрустнули, а околодочный, красный от злости, подскочил к нему и со всего размаху ударил его кулаком по лицу. У Афони искры посыпались из глаз, и, казалось, все зубы с треском выскочили из челюстей. Но он не издал ни звука, выплюнул изо рта выбитый зуб и кровь и, глядя на околоточного, криво усмехнулся, как будто хотел

сказать: „Ну что ж, бей, я знал, что иду на это... от вашего брата только и добра, что кулаки да нагайки, кровь да стоны“...

Его вели трое городовых, истерзанного, окровавленного, и все трое по очереди тыкали его кулаками в бока, в грудь, в спину, приговаривая с злобным смехом:

— Вот тебе свобода!.. Получай свободу...

— Чувствуй ее, анафема!..

Афоня только встряхивал головой и стискивал зубы. К ударам он как будто уже притерпелся и почти не чувствовал их. Только от ударов в лицо в нем бурно закипала злость, и кровь бросалась в голову. Но бороться с тремя дюжими городовыми было уже не под силу, и он все силы напрягал к тому, чтобы не застонать.

Волосы у него на голове слиплись от крови и свешивались на лоб мокрыми красными прядями. Все лицо, шея и раскрытая грудь были в крови. Рассеченная на спине нагайками рубаха открывала бесчисленные кровавые полосы-раны с висевшими на них клочьями рубахи и мяса. Прохожие останавливались и с ужасом смотрели на него, и ему отчего-то было стыдно перед ними, словно он чувствовал себя виноватым в том, что вот есть у нас такие люди, которые могут так зверски избивать человека.

Уже недалеко от участка он увидел впереди себя, шагах в десяти, двух городовых, тащивших за руку девушку в черном платье, с рассыпавшимися из-под шляпки золотистыми волосами. „Это Настя!“ — вспомнил Афоня и похолодел от ужаса при мысли о том, что ее, наверно, так же били, как и его. Видно было, что силы оставляют ее, она шла медленно, спотыкаясь на каждом шагу; ее хрупкая тонкая фигурка то сгибалась, как стебель под ветром, то выпрямлялась, а городовые нарочно ускоряли шаги, грубо тащили ее, дергали за руки, заставляя скорее итти. Она два раза чуть не упала вперед, лицом на камни, но городовые пинком в грудь отталкивалм ее назад, и снова тащили и дергали за руки...

Смотреть на это было невыносимо. Афоня сжал кулаки и заскрежетал зубами. Он рванулся было, чтобы броситься девушке на помощь,—но результатом этой попытки были только два лишних удара по лицу, с обеих сторон, и площадная брань городовых...

Девушку втащили в какие-то ворота, в которые ввели затем и его. Осмотревшись, он в первую минуту не мог понять—что это блестит так ярко вдоль всего двора и отчего здесь такая глубокая, тяжелая, зловещая тишина. И вдруг понял—и невольно от ужаса попятился назад. У стены соседнего дома, от ворот до конца двора, стояли солдаты, выстроившись в ряд. Над их головами сверкали на солнце штыки ровной, острой щетиной. Они как будто насторожились и ждали команды, чтобы приложить ружья к плечу и дать залп.

Мысль о расстреле, как молния, вонзилась Афоне в мозг, и едва он подумал об этом, как в другой части двора, за выступом дома, раздался пронзительный крик ужаса и боли, в котором он узнал голос Насти.

У Афони волосы зашевелились на голове, и он весь окаменел и замер... Городовые потащили его вдоль ряда солдат, на расстоянии полуметра от них, и на него посыпались удары солдатских кулаков в голову, в лицо, в грудь; некоторые еще били сапогами по ногам, другие пускали в ход ружейные приклады. На середине этого строя он вдруг увидел Настю—между двух городовых, которые уводили ее куда-то со двора. То, что она была жива, так обрадовало его, что он уже почти не замечал следующих ударов и пинков солдат и, как во сне, дошел до конца двора. Потом его повели к флигелю, стоявшему в другом конце двора, и шесть здоровых кулаков ударили по израненной спине, втолкнули его в маленькую, темную, без окон, каморку. Он упал грудью на пол и так остался лежать без движения. Дверь закрылась, засов с грохотом задвинулся. Стало темно и тихо, как в могиле...

И сразу начали болеть все раны, все тело. Голова, грудь, лицо, плечи, спина горели, как в огне. В горле пересохло, легкие с болью вбирали воздух. Нельзя было пошевельнуть ни рукой, ни ногой, чтобы не вызвать острой, режущей боли, от которой тошнило и делалось дурно. А сердце падало и все чаще и дольше замирало. Руки и ноги холодели, и среди туманных, тяжелых видений он вдруг ясно подумал: „Умираю“. Ему было больно и страшно, что он умирает—и никого около него нет, и никто об этом не знает. Он хотел кричать, звать когонибудь—Настю, мать, товарищей—и не мог издать ни одного звука.

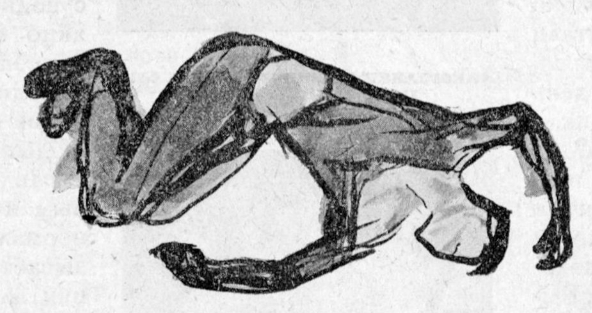
Скоро ему стало как будто легче, он впал в забытье. Казалось, кто-то сидел около него и гладил его холодной рукой по лбу и волосам. От этого боль во всем теле словно утихала и проходил страх. Становилось легко, прохладно, и было приятно то, что сердце перестало биться, и грудь не дышала...

Он еще слышал, как загремел засов, кто-то открыл дверь и вошел. Наклонился к нему, потрогал его за голову и громко сказал:

— Никак, помер...

Говорил ли неизвестный еще что-нибудь—Афоня уже не слышал.

Он лежал лицом вниз. Его неподвижное, истерзанное тело уже не протестовало и никому ничем не угрожало. Его сделали безопасным...

Он лежал лицом вниз.

НА ВЫСТАВКЕ XXI ВЕКА

Очерк Н. ШАМЕТА

Чтобы попасть в Москве на Красную площадь, надо пройти мимо Исторического музея. У входа в музей почти всегда висят разные вывески — „Быт крестьян 18-го столетия“, „Быт уральских рабочих начала 19-го века“ и т. п. На выставках кучи самых странных для нас предметов. Ну, к чему, например, неудобный тяжелый подсвечник? По-нашему лучше завести электричество. Вот люлька для младенца. Можно только удивляться, как выживали ребята, на свое несчастие родившиеся в семье с таким орудием пытки.

Посмотришь эту выставку и подумаешь — не умели наши предки жить. Будто нарочно для себя в жизни всякие неудобства устраивали...

Через сто лет на Историческом музее будет висеть вывеска — „Быт начала XX века“. К дверям на самодвижущихся тротуарах подкатывают тысячи посетителей. Всякому интересно посмотреть, как жили его деды и прадеды (это мы с вами и наши родители). На выставке лекторы водят посетителей из одной в комнаты в другую.

— Вот эта комната — самая непонятная для нас,—об'ясняет лектор, под'ехавшей к нему на движущийся лестнице группе посетителей.—Прошу вас напрячь все свое внимание.

— Здесь, в банке с консервирующей (сохраняющей) жидкостью находится очень редкий экспонат (с большим трудом удалось его сохранить до нашего времени). Его называли а... а... а... Сейчас вспомню... А-л-к-о-г-о-л-и-к, или п-ь-я-н-и-ц-а. Это довольно частая фигура на улицах начала двадцатого века. Вы сразу можете его отличить от других людей— лицо опухшее, глаза глядят на вас воспаленным взглядом, нос красный, руки дрожат, голос хрипит...

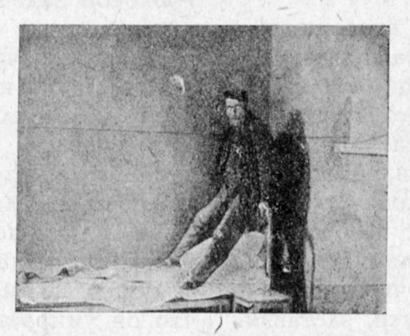
— Их, что же, на цепи водили?— робко спросила одна из экскурсанток.

— К сожалению, в начале двадцатого века люди были настолько некультурны, что многие считали особым достоинством напиваться, если не каждый день, то хоть в день отдыха, а на их языке — праздник.

— А что значит — напиваться?

— В то время существовали всякие медленно действующие ядовитые жидкости—водка, пиво, вино. Многие люди находили большое удовольствие отравлять ими свое тело. „Выпьешь, — говорили они, — на душе легче станет“. Они были похожи на того негра, который любил придавливать свой палец дверью. „Очень уж приятно себя чувствуешь потом, когда боль пройдет“,—об'яснял негр любопытным.

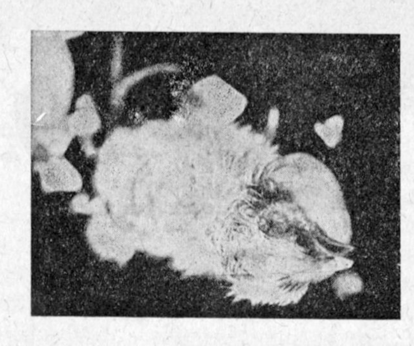
Из кинофильмы „За ваше здоровье“

Белая горячка.

Алкоголики в гипнотическом сне. Их лечат гипнозом.

Цыпленок вылупился из яйца, отравленного водкой.

— Перейдем к следующему экспонату. Как вы видели, снаружи первый экспонат—очень неприглядная картина. Но его вид внутри может поспорить с наружным. Этот грязный и бесформенный мешок— сердце пьяницы. Алкоголь прежде всего действует на сердце. Наше сердце похоже на резиновый мячик. Мячик упруг и хорошо прыгает тогда, когда его стенки крепки. Но стоит растянуть резину— мяч быстро портится. Так и сердце. Каждая рюмка водки, вина или пива действует возбуждающим образом на сердечную мышцу. Каждая рюмка как бы подстегивает сердце и заставляет его некоторое время усиленно работать. Но чем больше напрягаются мускулы сердца, тем скорее расширяется и делается тоньше сердечная мышца. Сердце, как резина, начинает терять свою упругость. Кровообращение замедляется, толчки сердца слабеют, и тогда наступает одышка, на ногах появляются „отеки“ (ноги пухнут), лицо становится одутловатым. Пиво действует на сердце тоже вредно—оно вызывает его ожирение. У любителей пива „бычье сердце“,—такой же величины, как сердце быка. Особенно любили пить пиво баварцы, и у большинства их было „бычье“ или „мюнхенское сердце“ (по имени столицы Баварии— Мюнхена).

— Ну, а если чуть-чуть выпить этого алкоголя—ведь ничего не будет?

— Сто лет назад делались такие опыты. На голову человека одевали особый шлем с острием вверх. Человека ставили под закопченную пластинку так, чтобы острие касалось пластинки. В трезвом состоянии человек стоял прямо и острие оставалось на пластинке почти на одном месте. Но стоило дать человеку маленькую рюмку водки, как острие начинало выписывать на пластинке самые запутанные кренделя.

Другой опыт был такой. В сосуд с водкой клали куриное яйцо. Затем яйцо отмечали черточкой и клали в инкубатор (прибор для искусственной выводки цыплят) рядом с обыкновенными яйцами.

Цыпленок, вылупившийся из яйца, отравленного водкой, был очень хилым и безобразным по сравнению с нормальными цыплятами. Это показывает, что даже небольшие порции алкоголя действуют очень вредно. Вот почему за несколько месяцев перед всякими спортивными состязаниями физкультурникам тогда запрещали употреблять алкоголь даже в самом незначительном количестве.

Но тут экскурсанты в ужасе отпрянули назад.

МЫ БОРЕМСЯ С ПЬЯНСТВОМ.

Демонстрация против пьянства

— Что это—люди или нет?

— Увы, к сожалению, это люди. В этих банках находятся дети, рожденные алкоголиками. Эти преступники перед страной отравляли не только себя, но и свое потомство. Яд из их крови и тела часто передавался их детям. Эти уроды, умственно отсталые, слепые, с искривленными ногами и руками, идиоты и сумасшедшие — все это потомки алкоголиков. Эти дети, только появившись на свет, уже отвечали за грехи своих родителей.

— Скорей, скорей, отсюда. Неужели всего сто лет назад могли появляться на свет такие чудовища!

Лектор нажал кнопку, и вся экскурсия вместе с полом начала передвигаться в другую комнату.

По дороге разгорелся спор — почему же предки отравляли себя. Одни утверждали, что это был такой же предрассудок, ставший обычаем, как и вера в бога. Другие заявляли, что это был атавизм, т. е. остаток от тех времен, когда люди ходили на четвереньках и имели хвосты. Третьи доказывали, что пили только самоубийцы. Наконец, обратились за разрешением спора к лектору.

— Все неправы,—сказал он.—Алкоголь, еще более чем на сердце, действует на нервную систему. Она очень чувствительна к алкоголю и ее клетки гибнут раньше, чем клетки сердца. Действие алкоголя на нее обнаруживается уже через несколько минут. Выпивший начинал вести себя совсем по-другому, чем трезвый. Часто, когда действие алкоголя прекращалось, человек не мог даже вспомнить, что он делал. В пьяном виде, как говорили тогда, человек не владел собой. Людям со слабой волей это состояние нравилось. Пьяными они забывали свои огорчения, неудачи, чувствовали себя героями, которые все могут. Даже пословица была тогда: „пьяному море по колено“. А начав пить, человеку уже было трудно оторваться от пьянства — нервная система отказывалась работать без возбуждения алкоголем. В конце концов пьяница „спивался“, т. е. становился никуда негодным человеческим отбросом.

Были и предрассудки о пользе алкоголя. Говорили, что водка уменьшает усталость. Но исследования ученых показали, что это неверно. Алкоголь усыплял нервную систему на 15 — 30 минут, а потом действие его проходило, и человек чувствовал себя еще более разбитым. Говорили, что алкоголь согревает человека. Ученые доказали, что это тоже неверно. После очень кратковременного повышения температуры тела наступает очень резкое понижение ее. Вот почему так легко замерзали во время морозов пьяные.

— Но неужели не боролись с этим злом? Я бы всех алкоголиков собрал бы и запер в больницу.

— Ну, их было так много, что этого сделать было нельзя. Но борьба велась. Некоторые думали, что стоит запретить продажу водки и все зло прекратится. Печальный опыт показал, что это не так. Место водки занимал самогон и всякие самодельные, более вредные смеси. Люди так привыкли к алкоголю, что не могли без него обойтись. Приблизительно в то же время в Северо-Американских Соединенных Штатах была запрещена продажа алкоголя. И вы думаете—это помогло? Ежегодно на улицах только 350 городов задерживали пьяными полмиллиона человек и несколько сотен тысяч самогонщиков.

Мы победили пьянство другим. Прежде всего—повышением культурности трудящихся, организацией интересных развлечений—кино, театра, физкультурных стадионов, библиотек. Алкоголиков лечили в специальных больницах—наркодиспансерах. На фабриках и заводах алкоголикам об'являли бойкот. „Общество борьбы с алкоголизмом“ организовывало наиболее сознательных трудящихся для борьбы с пьянством. Сами трудящиеся требовали закрытия пивных, прекращения продажи водки и вина. И теперь алкоголь—это такое же прошлое для нас, как рабство, как война.

— Да, сказал один из экскурсантов, задумчиво катясь вниз по лестнице,—не умели наши предки жить.

РЕДАКЦИИ И ХУДОЖНИКАМ ЖУРНАЛА „ПИОНЕР“ НУЖНО УЗНАТЬ МНЕНИЕ ЧИТАТЕЛЕЙ О РИСУНКАХ И ОБЛОЖКАХ ЖУРНАЛА

ТОВАРИЩИ ЧИТАТЕЛИ!

мы ждем от вас подробных писем о том:

1) Какие рисунки вам нравятся.
2) Какие не нравятся.
3) Какие обложки вам нравятся.
4) Какие не нравятся.
5) Почему они нравятся или не нравятся.

Какая нам нужна дружба

Митинг о дружбе продолжается

Кузька: Заседание открывается на 10-й странице журнала „Пионер“.

Шебанова (с места): Громче!

Кузька: Откуда голос? Из Узбекистана? Громче не могу. Прошу Мейлицева из Ленинграда успокоиться, а то отдаленным окраинам не слышно. Тебе, небось, ничего, 600 километров от меня. А каково Шебановой в Ташкентском округе? Митинг о дружбе продолжается. Слово имеет Гольденберг из г. Малина, Коростенского окр., Украина.

Гольденберг: Говорить о дружбе—дело нелегкое.

Шебанова: Слушать еще труднее.

Кузька: Дайте Шебановой наушники!

Муравьев (Нижегор. губ.): Лови! (Кидает наушники из Нижегородской губ.)

Кузька. Эх ты, не туда кидаешь, надо в Узбекистан, а ты в Балтийское море попал. Мейлицев, достань-ка! Ладно. Успокоились. Продолжай.

Гольденберг: Прежде всего нужно знать, с кем можно и с кем нельзя дружить. Нельзя дружить с детьми нэпманов, кулаков, попов и вообще с детьми нашего общего классового врага. Нужно дружить со своими же ребятами: детьми рабочих и беднейших крестьян. Иногда случается, что ребята нарочно дружат только с ребятами своей нации. Нужно дружить с детьми рабочих всех национальностей. Основой каждой дружбы должна быть коллективная дружба, так как она лучше сближает ребят и дает больше пользы. Лучше всего дружить всем звеном.

УКРАИНА

МАЛИН

Редактор «Пионера»: А как же этого достигнуть?

1-й голос: Как же, сдружишься!... Звенья разные бывают. Бывают такие звенья, не то что дружиться, разговаривать с ребятами неохота.

Кузька: Бери слово в порядке.

1-й голос: Не возьму. Я сам из такого звена. Узнают, что я здесь говорил,—изобьют.

Кузька: Слово имеет Муравьев, село Урень, Нижегородской губ.

Муравьев: Дружба в звене или группе для нас была бы очень полезна во всех отношениях, не только в работе. Работать дружным звеном или группой легче. Но сдружиться в звене бывает очень трудно. Среди нас самих и в наших звеньях есть такие ребята, с которыми трудно подружиться, они всячески стараются под‘едать и травить других ребят. Мы и сами плохо дружимся, не понимаем для чего дружба и что может она дать, и если подружимся с мальчиком, то стараемся поставить его ниже себя. Я думаю, что дружба в наших звеньях едва ли удастся, как следует, так как ссоры у нас бывают часто. Но все-таки я за дружбу в звене.

2-й голос: И с девчонками, значит, дружить?

Муравьев: Нечего смотреть, что она девочка. Подразделений не должно быть. Я кончил.

Кузька: Ребята, слушайте Шебанову из Мирза-Чуля, Ташкентского округа.

Шебанова: Пионер не должен дружиться с помещичьими детьми и с кулацкими, потому что они приносят вред пионерским отрядам. Пионер должен дружиться с бедными детьми.

Лучше всего дружиться со всем звеном или даже группой, но с нашими пионерами никогда не сдружишься. Потом еще есть такие пионеры, которых матери заставляют богу молиться и не посещать по воскресеньям школы, как с ними дружиться?

Голос: А ты бы поговорила с ними.

Шебанова Когда ребята поссорятся между собой, третий может вмешаться, но только с условием, чтобы он не заступался за того, или другого, он должен их разделить, чтобы они не дошли до драки. Нам нужна такая дружба, чтобы не отделялись ребята друг от друга, чтобы не отделяли узбеков от русских, и чтобы мы были все одинаковые. Только тогда у нас в отряде и школах будет дружба. Пока у нас этого нет ни в отряде, ни в школе. Мы ведь все братья и сестры—значит нам нужна дружба.

Гольденберг: А что у вас узбеки с русскими плохо дружат?

Шебанова: Ага!

Гольденберг: А у нас с евреями.

Шебанова: Ты им скажи, что все мы одинаковые.

Мейлицев: Прошу слова.

Кузька: Вали, Мейлицев, только недолго.

Мейлицев: Ребята! Вопрос о том, дружно ли мы живем—вопрос очень больной. А хуже всего то, что у нас бесконечная вражда между мальчиками и девочками.

„Бабе не место в класскоме“,—так рассуждают некоторые школьники. Но получается иначе. Если в классе больше девочек, то в класском пройдут девочки, если в классе больше мальчиков, то в класском пройдет группа мальчиков.

И ясно: девочки за девочек, мальчики за мальчиков. Но не только вражда между мальчиками и девочками мешает нашей дружбе. Очень часто из-за какой нибудь мелочи ребята ссорятся между собой. Например, в нашей школе был случай, когда староста на классном собрании сделал выговор ученику. Этот ученик подговорил группу ребят, которая очень долго не разговаривала со старостой. (Шум.)

Кузька: Не шумите ребята, совестно, весь СССР слушает, а вы шумите.

Мейлицев: Иногда бывает другой исход таких споров, а именно, старосту переизбирают и намечают такого ученика, который не „кляузит“.

2-й голос: А по-твоему, можно кляузничать?

1-й голос: Кляуза кляузе рознь.

2-й голос: Сам ты наверно ябеда.

1-й голос: Товарищ председатель, он меня ябедой назвал, прошу призвать к порядку.

Кузька: Прошу друг друга ябедами не обзывать. У нас митинг о дружбе, а вы...

Шебанова: Громче.

Кузька: Шебанова, надень наушники.

Шебанова: Ах да, я забыла.

Кузька: Продолжай. Мы о ябедах отдельно поговорим.

Мейлицев: Приведу случай: староста класса сказал классному воспитателю о том, что ученик Р. бузил на уроке рисования. И что же! На следующем классном собрании старосту переизбрали. Учком на такие случаи не обращает внимания, воспитатели класса тоже. Такие случаи встречаются сплошь и рядом. Ясно, что при таких условиях, хорошей дружбы быть не может. А как старшие классы относятся к младшим? Стоит ученику 3—4 класса толкнуть ученика 7—8 класса, как он сразу хватает его за шиворот, ругает, а иногда и бьет.

Голос учеников 3-го класса: Просим не хва-тать нас за шиворот!

Мейлицев: Нужно учкому и форпосту обратить на это серьезное внимание и добиться того, чтобы все ребята жили бы одной дружной семьей.

Кузька: Слово имеет Асланьянц.

Асланьянц: Пионер ни в коем случае не может дружить с сыном кулака, так как сын кулака будет стоять против соввласти, а пионеру это совсем неприятно. Пионер должен бороться против этого и защищать советскую страну от кулаков. Поэтому пионеру нужно дружить с сыновьями трудящихся других наций. Лучше всего дружить всем звеном или всей группой, так как если будут все ребята одного звена или одной группы дружить вместе, то их работа пойдет лучше и они могут больше сделать. Если двое ребят между собой поссорятся, а третий расскажет о них всей группе, то это совсем будет неверный поступок, так как они рассердятся на него и дружбы между доносчиком и ссорившимися ребятами не будет. А для того, чтобы нам дружить между собой хорошо, нужно не врать один на другого, не дразнить детей нацменов и доказывать один на другого за всякую чепуху, тогда между нами будет настоящая дружба.

Кузька: Слово имеет т. Северьянова, председатель Центрального бюро пионеров.

Северьянова: Ораторы затронули здесь вопрос о ябедах.

Кузька: Т. Северьянова, я вам не о ябедах слово давал, а о дружбе.

Северьянова: А если я хочу о ябедах...

Кузька: В другой раз. Мы специальное заседание устроим.

Северьянова: Ладно. О дружбе, так о дружбе.

Мне кажется, что некоторые ораторы говорили не совсем верно. Если сын кулака или попа находится в школе или в отряде—его надо перевоспитать—правда? Чтобы он выросши сам не стал попом. А как ты его будешь перевоспитывать, если не будешь с ним дружно делать общую работу. Правда, надо помнить, что он сын кулака или попа, надо следить, чтобы он не приносил в школу влияния своей семьи, наоборот надо стараться чтобы он стал чужим в своей поповской семье, чтобы он стал чужим родителю-кулаку. Конечно, нечего дружить с таким из них, которые настолько заражены отцовскими недостатками, что стараются нанести нам вред. Я согласна с Муравьевым, что дружит нужно целым звеном. Какие вы пионеры, если не дружны в работе и в учебе? Пионер, если вступил в отряд так он друг и брат всем пионерам всего мира. Если ты не можешь сдружиться в своем звене, где восемь—десять ребят, то как ты сдружишься с двумя миллионами пионеров?

Кузька: Прошу всех рассказать, как они дружат с ребятами других национальностей, что предлагают делать, чтобы эту дружбу сделать крепче.

Северьянова: Теперь я хочу сказать о ребятах разных национальностей. От старого времени нам в наследство осталось много всякой дряни. Одно из самых

скверных—вражда между трудящимися разных национальностей. Царское правительство старалось натравить русских на евреев, тюрков на армян, туркмен на таджиков, чтобы они не могли об‘единиться для борьбы со своими настоящими врагами—капиталистами и помещиками. Враги советской власти, мечтающие о царе, пытаются раздуть потушенное пламя национальной вражды. Есть у нас в школах и отрядах такие ребята, которые несознательно или сознательно действуют по указке наших классовых врагов. Тут некоторые ораторы уже говорили об этом. Мне кажется—остатки национальной розни самое скверное, что мешает нашей дружбе.

Мы должны обратить больше внимания на дружбу ребят разных национальностей. Мы должны научиться давать отпор тем ребятам, которые пляшут под дудку наших врагов. Я предлагаю следующий наш митинг посвятить дружбе между ребятами разных национальностей.

Кузька: Кто за? Кто против? Воздержавшиеся? Принято единогласно.

(Кузька поспешно скрывается неизвестно куда)

Бумеранг

Май | Стенгазета читателей „Пионера“ | № 9

К ВЕСНЕ!

Ледяные тают горы,
Луч проник весенний в дом.
Пионеры, скоро-скоро,
Скоро в лагерь жить пойдем.

Снег сползает с крыши хаты,
И кругом ручьи журчат.
Развеселые ребята
Птицам гнезда мастерят.

Ярко-ярко светит солнце,
Озаряя детский труд—
Красногрудым пионерам
Отдает оно салют.

Вся природа пробудилась
От сна,
И приветливо вселилась
К нам во двор весна-красна...

Ф. Яковлев

Село Завороненское

НА КОНКУРС РИСУНКОВ

Рис. деткора Г. Коновалова

с. Царев

ПОЧЕМУ Я Е ПИОНЕР?

Пионерка я с 1925 года. С этого же времени я читаю «Пионер» и пишу заметки. Мне давно хотелось узнать, как работает редакция, и поэтому 8 апреля я туда зашла.

— Здравствуйте,—говорю.—Я—Маруся Губкина, ваша подписчица и деткорка. Можно мне редактора видеть?

— А, Губкина, здравствуй, здравствуй! Это ты нам писала заметки о перевыборах советов и о том, почему ребята не записываются в пионеры?—говорит мне лохматый комсомолец.

— Я.

— Тогда я тебя знаю. Только редактора сейчас нет. Можешь с секретарем говорить.

— А где он?—спрашиваю.

— А это я,—говорит, а сам роется в кучах заметок.

— Ты что это делаешь?

— Да вот в «Бумеранг» материал подбираю. Может, хочешь помочь?

— С удовольствием.

Секретарь подвинул мне одну кучу заметок.

Я стала читать, а те из них, которые мне казались наиболее интересными, откладывала в сторону. Их набралось у меня штук двадцать. Тогда я дала их секретарю и сказала, что, по-моему, эти заметки можно было бы напечатать. Он взял их, просмотрел и большую половину положил обратно [...]у. Потом дал мне одну заметку [...]просил:

— Что ты ду[...]об этой заметке?

В заметке дет[...]еша Протопопов пишет, что в [...]Нарме (где-то около Касимова) [...]оле организовался отряд. В [...]сперва записались все ребята, [...]а другой день почти все выш[...], потому что родители ругали [...]за то, что они записались в ш[...], а некоторых даже побили.

— Я думаю,—[...]ла я,—что нужно в этой школ[...]ать родителей и об'яснить [...]рошенько, кто такие пионеры, [...]и надо в этой деревне начать [...]лигиозную работу, а то многи[...]тели не пускают ребят в [...]отряд потому, что они верят в [...] хотят, чтобы и их дети верил[...]

— Знаешь что[...]ворит мне секретарь,—возьм[...]эти заметки и напиши свое мн[...]каждой из них.

Д[...] мне бумаги, дал[...]аш, и стала я пис[...]

В[...]етка без адреса и п[...]. В ней написано[...]о не-пионеры вып[...]т общественную [...]у не хуже пионер[...]оводят кампании[...]тают в школьном [...]самоуправлении и т.[...] выходит, что и пион[...]-то быть не нуж[...] кончается она так: пионерская работа ведется не везде интересно.

Я думаю, что школьники часто очень хорошо работают, но автор этой заметки наверно не знает, что пионеры учатся в отряде работать коллективно, что они, под руководством комсомола и партии, воспитываются в коммунистическом духе. А насчет того, что работа в отряде не интересна—я скажу, что от нас самих зависит сделать ее интересной. Так что, по-моему, в пионеротряд записываться надо.

Третья заметка—Гриши Ещина из г. Речицы Пишет Гриша, что познакомился у входа в кино с «кино-зайцем», который в кино, ходит, чтобы время убить. Ну, Гриша ему посоветовал в отряд записаться, а «заяц» и говорит, что в отряде читают про Ленина, разговаривают о чистоте и о комсомоле, а это в школе гораздо лучше рассказывают. А поэтому «кино-заяц» не хочет итти в отряд.

Что ж, если в Гришином отряде действительно так, как он пишет, то это и, правда, скучно. Надо их отряду оживить работу: устроить живую газету, ввести физкультуру, организовать кружки и т. д. И все-таки не прав «кино-заяц»: если скучно, то надо не бежать, а сделать так, чтобы было весело.

А. Гершенфельд, пионер Одесского отряда при 1-й Госмебельной фабрике, пишет, что в их отряд школьники почти не вступали. Тогда они устроили в 48-й школе пионерский вечер самодеятельности. Вечер вышел веселый и интересный. После этого школьники повалили в отряд, и отряд увеличился вдвое.

Молодцы ребята! Жаль только, что очень многие отряды чуть ли не прячутся от неорганизованных ребят. А не мешало бы этим отрядам последовать примеру одесских ребят. И, наконец, в последней заметке, из тех, что мне дал секретарь, деткор М. Гурин пишет, что у них в Самойловке некоторые ребята говорят, что пионерорганизация не нужна вообще. Гурин сообщает, что так говорят дети торговцев и попов и что им, пионерам, такие ребята и не нужны в отряд, потому что их все равно нельзя воспитать в коммунистическом духе.

Мне бы очень хотелось узнать—пробовал ли отряд заинтересовать таких ребят своей работой? Кажется мне, что Гурин не прав. Пионерорганизация должна подумать и о таких ребятах, должна постараться перевоспитать их. Тогда они впоследствии будут не торговцами, а честными трудящимися.

Окончив, я дала посмотреть свое писание секретарю. Он прочел и сказал:

— А теперь возьми новый лист бумаги и опиши все, что случилось с тобой в редакции.

— А это зачем?—спросила я.

— Я твои впечатления и мнения о заметках помещу в «Бумеранге».

МАРИЯ ГУБКИНА

НА КОНКУРС РИСУНКОВ

г. Самара

Рис. деткора М. Петрова

Башкиренок МУСА

Рассказ Геннадия Степанова

Он что-то говорил по-своему... Рабочие смеялись:

— Ишь лопочет как! Как горохом сыпет!

— Ах, держи его за язык! Уморил...

— Типун тебе!.. Ха... ха... ха!

Наконец, они решили позвать башкирина Шамилку, который тоже работал на вырубках, но только на другом участке. Шамилка, рябой и плюгавый, долго и сосредоточенно слушал башкиренка и, наконец, об'явил:

— Работы просит! Сирота... Мусой зовут!

Смех стих... Послышались голоса:

— Что ж... Пущай!.. Эн вишь, сердобольный, одна моща!

— Только нужно управляющему собчить, что и как...

— Работник, мол, об'явился!

Муса остался на вырубках... Как только за речным нагорьем сгинет темень и на окошке землянки появится белесый мазок утра, он вместе с другими рабочими уходит в лес. Лес, дотоле недвижный и сумрачный, вздрагивал, стонал, шумел... Вскидываясь ветвями, валились деревья... И так весь день... Вечером, когда на далеких лунных полянах голосили волки, Муса, лежа на нарах, дремал: „Там, ближе немного к востоку, родные урманы... И сейчас, наверное, у кого-нибудь степенный старик Усман ведет свои медлительные речи про старину... Хорошо!“

Обида лежит на сердце Мусы. Вместе с ним работает двенадцатилетний Кирьяшка из соседней землянки... Он в полудремоте видит перед собой ухарские зеленые глаза, вздернутый Кирьяшкин нос, кривой от усмешки рот. „Вот она сатана, без рубашки, без штана!“—дразнит он Мусу. А сегодня, когда Муса поворачивал воз, нагруженный ветвями, Кирьяшка подложил ему сзади под ноги чурбан... Муса упал...

Так шли дни... Настало время, когда с далекого Шихана [1] взбыстрили влажные ветры и по ту сторону реки в низинах распушилась ласково верба... Работа на вырубках приближалась к концу... С ней торопились... Муса все время отвозил бревна из глубины леса ближе к берегу. Как-то, возвращаясь в лес, он увидел Кирьяшку... Тот исподлобья посмотрел на него и по-всегдашнему начал дразнить.

Муса хотел проехать мимо, но Кирьяшка вдруг схватил сук и бросил в него... Сук со свистом пролетел мимо, но, отскочив от ствола, сильно ударил Мусу по голове... Схватив сук Муса побежал за Кирьяшкой... Раз, два... Перевернувшись на спину, Муса упал... Перед ним стоял Еремей, Кирьяшкин старший брат:

— Ты эт чаво, желторожий?.. Только тронь еще мово брательника! Убью!

А вечером, когда Муса вошел в землянку, недружелюбно встретили его рабочие.

— Ишь ты! Чуть мальчеку не зашиб!

— Тот к нему с шутками, а этот с дубьем!

— Смотри, брось эти захватки!

Хотя Муса жил на вырубках уже месяца два, но по-русски говорить все-таки не научился... Да и не хотел... Понял он только, что эти угрозы относятся к нему, и в его сердце вспыхнула еще большая ненависть к Кирьяшке...

В последние дни перед вскрытием реки затихло побережье. Работа на вырубках прекратили... На рыжих полях, на дорожных перевалах задремал туман... Как-то ночью заволновалась река... Бледными призраками вставали льдины и с грохотом падали в бунтующие воды... Утро было спокойное... Тих и туманен был воздух, и солнечные лучи, проходя через него, преломлялись в невиданные цветенья. Неделя, другая—и один за другим поплыли плоты по водной глади... На одном из них находились: Еремей, Кирьяшка и Муса. Кирьяшка, верный своим шалостям, не унимался и тут.

— Ты разве человек? Ты обезьяна!—дразнил он Мусу. Еремей скуки ради подтверждал.

[...]— Правильно! Ни в каком разе человеческой видимости [...]

[...]ступала ночь... В последних солнечных бликах задума[...] на берегу урема, уронив тени в прибрежные глубины. [...]лоту разожгли костер... Муса сидел у „бабайки“ [1]. [...]яшка забавлялся: взяв шест, он ловко перепрыгивал с [...]мы“ [2] на „кошму“. Вдруг в чутком воздухе вздрогнул [...]—А! А!.. Эх!..—Кирьяшки на плоту не стало. Только еще [...]ли в том месте, где провалился Кирьяшка, раз'единен[...] между собой бревна... Вскочив на ноги, Муса побежал [...]ай плота и стал глядеть в воду... Раздался всплеск... [...]далеку показалось что-то черное... Муса нырнул... Через [...]у, когда они все трое находились на плоту, Еремей, [...]ая дрожащего Мусу, радостно говорил:

[...]— Эх, еже[...]ы тебя не [...]то! Уто[...]бы Кирь[...]-то! Про[...] себя не [...]ел... А я [...] говорил: [...] человек, [...]ты!

[...]уса мол[...]. Молчала [...]. На не[...]й боль[...]ороге по[...]ся ме[...]

[...]шкирия,

НА КОНКУРС РИСУНКОВ

Рис. деткора Н. Агрессинина

г. Чебоксары

[1] Гора.

[1] [...]Руль плота.

[2] [...]Плот делится на более мелкие плотики, скрепленные [...] собой канатами, такой плотик наз. „кошмой“.

КАМЧАТКА

БУДУЩИЙ ЭКСПОНАТ

Во 2-й Сочинской школе, во 2-й группе, 16-летний пионер Маслов, пользуясь своей силой, терроризовал всех ребят. Он бьет своих товарищей и выкручивает им руки...

Ай да, Маслов! Лев! Пантера!
Слон! Гиппопотам!
Жалко братьев пионера,—
Пропадают там.
Занесло его, по чести,
В школу на беду...
На почетном бы он месте
Был в Зоосаду.
А покуда он не в клетке,
Не прижмет ли хвост
Этой милой, кроткой «детке»
Сочинский форпост?

ЗВЕРЬ ОСОБОЙ ПОРОДЫ

Хоть зверей у нас и много,
Но такой породы редки,
Как один из педагогов
Шаргородской семилетки.
Есть причина, нет причины,
На ребят потоки брани:
— Животины! Дурачины!
— Дураки! Болваны! Дряни!
Раззудись рука на славу!
Размахнись мое коленко!
Лупит влево, лупит вправо
По ребятам Сидоренко.
Для такой натуры зверской
Жить в Камчатке подходяще,
Но не в нашей, в пионерской
А подальше... в настоящей

ВОТ ТАК ЗАНЯТИЯ!

Отряд Сантуриновской школы имени Красина.

И дерутся, и галдят,
Ругань и проклятья...
Это значит—наш отряд
Вышел на занятия.

(Продолжение)

СОДЕРЖАНИЕ ПРЕДЫДУЩИХ ГЛАВ

Шапкиных Демида и Верочку покидает мать; их берут в коллектор для беспризорных и сирот. Там Дема дружится с Гудковым и Лизой. Из коллектора Дему, Гудкова и Лизу отправляют в игрушечную школу-мастерскую в другой город. Верочка остается в коллекторе.

От Людмилы Михайловны получилось письмо. Она рассказывала, что Верочка скучает, ходит и все говорит: „Зачем я отпустила Демку и Лизку“.

„Сегодня она пришла ко мне и спросила: „Как можно разыскать маму? Я хочу жить с мамой. Демка забыл меня, ему хорошо с Лизой, и он забыл“.

Я думаю, что вы, ребята,—Людмила Михайловна обращалась и к Деме и к Лизе,—не забыли Верочку, но все же ей лучше быть с вами. Сходите в ОНО, расскажите все как следует и попросите перевести Верочку в город, хорошо бы в семилетку.

Я сама скоро приеду в город и навещу вас.

Не скучайте, мои милые, и не забывайте Верочку“.

Дема заложил руки за спину и в раздумьи заходил по коридору. Письмо заставило его сделаться на время взрослым, подсказало ему, что он старший, и обязан позаботиться о сестре. Он не думал, как пойдет и что скажет в ОНО, а думал о матери, о том, как относиться к матери, которая бросила детей. Что должны сделать брошенные дети, забыть ли мать, и если забыть, то к кому вместо нее привязаться, или помнить ее и беречь в своем сердце место на случай, если мать вернется.

— Демка, отпросимся у заведующего и побежим в ОНО,—напомнила Лиза.—Чего ты хмуришься?

— Иди, отпрашивайся за двоих.

„Лучше бы ее никогда не знать, от роду,—думал Дема.—Попробуй-ка забыть, когда Верка хочет жить с мамой“.

Заведующий отпустил обоих. В ОНО Деме пришлось пересказать всю историю с матерью.

Инспектор, который говорил с ним, слыхал о ней и проговорил:

— Шапкины—дети той самой руководительницы... Подай заявление, сделаем, что можно, только ученикам семилеток мы не даем стипендий. Ее бы направить в детский дом.

— Она не хочет, она хочет поближе ко мне и вот к ней, к Лизе.

— Попробуем поискать стипендию. Кстати, тебя разыскивала какая-то женщина, а я не знал, где ты, и направил ее в коллектор Розы Люксембург. По нашим спискам ты числишься там.

— Может мама моя?—спросил Дема встревоженный и обрадованный.

— Этого она не говорила. Назвалась вашей знакомой и про твою сестру справлялась.

— Когда она была?

— Сегодня утром и хотела ехать в коллектор.

Обратно Дема шел с путаницей всяческих чувств и подозрений.

Ему почему-то казалось, что искала его мать, а если не мать, то кто-нибудь от нее. Это и радовало его и пугало, радовало тем, что появись мать, сразу распутается все, заботы о Верочке отпадут от него, а пугало тем, что появится кто-нибудь чужой и скажет что-нибудь неожиданное и страшное.

В школе Дему дожидалась завхозиха из детского дома. Она успела с‘ездить в коллектор и привезла с собой Верочку.

Сестренка, увидев брата, кинулась ему на шею и начала целовать его, потом начала целовать Лизу.

Денег от Ольги Ворсовны я не возьму.

— Вы зачем?—спросил Дема, когда оправился от первого смущенья.

— Проведать,—просто ответила завхозиха.—Садись, погляжу я на тебя.

— Ну?—Дема сел.

— Вырос, вырос, только сердит больно. Не сердись, не май себя, от сердца себя маята. Я нет-нет да и вспомню, как, мол, они живут, а тут Ольга Ворсовна встретилась, вместе вспомнили и решили проводить.

— Живем ничего, спасибо Ольге Ворсовне—позаботилась,— сухо проговорил Дема.

— Прямо спасибо, и теперь не забывает. Мы с Ольгой-то Ворсовной собрали немного денег, возьми,—завхозиха полезла за пазуху.

Дема встал.

— Денег от Ольги Ворсовны я не возьму.

— Да, ведь, тут не все ее, и мои, и еще кое-чьи.

— Ничьих не возьму.

— А мы с Верочкой уговорились, что она на эти деньги будет учиться. И на другой месяц соберем.

— Я не возьму и Верке не позволю.

К Деме подошла Лиза и начала уговаривать.

— Возьми, Верочка будет с нами.

Дема отпихнул Лизу, он чувствовал, что не в силах взять деньги, он переживал себя также неловко, как нищий, который просит первый раз.

— Ты знаешь, где моя мама?—спросил Дема.

— Кабы знала, сказала бы,—ответила завхозиха.

— Ну тогда забирай свои деньги и уходи. Ты, Верочка, поедешь обратно, а потом ОНО даст стипендию.

Дема вышел на улицу и быстро побежал от школы. Он оказался на пруду, где ребята со всего города катались на коньках на первом льду.

Лиза и Дема встретились только на следующее утро. Лиза вызвала Дему на двор и сказала:

— Сердись, не сердись, а деньги я взяла. Верочка спит у меня, ты сегодня сходишь в ОНО и добьешься, чтобы ее перевели в семилетку.

— А тебя касается?—зло спросил Дема.—Кто тебя просил соваться в нашу жизнь?

— Никто, сама сунулась. Не пойдешь в ОНО, я пойду.

Дема долго стоял в тяжелом раздумьи: „Чьи же деньги, чорт возьми. Не верю, чтобы Ольга Ворсовна так расщедрилась. Мамины деньги, завхозиха непременно знает, где мама. Только почему она молчит и для чего, кому нужна эта игра?“. Он был уверен, что деньги через завхозиху прислала мать и потому решил не брать их. „Если жива и помнит нас, пусть является сама; если не хочет, пусть не пристает ни с чем. Будем одно знать—бросила“.

— Кому же итти в ОНО?—спросила Лиза.

Дема увидел, что Лиза решилась и не откажется от своего решения, пойдет и на ссору и на что угодно, и сказал:

— Схожу.

— Верочке ни слова, скажи, что согласен.

— Ладно.

Увидя Верочку, Дема потрепал ее за волосы и спросил:

— Ну, сестренка, рада?

— Ты вот не рад.

— И я рад, вчера я погорячился. Я очень рад,— солгал Дема.

ОНО зачислило Верочку в семилетку. Узин временно разрешил ей ночевать в интернате, но с тем, чтобы она по возможности скорей перешла на вольную квартиру.

Завхозиха передала Верочке десять рублей и пообещала, что каждый месяц будет привозить столько же. На эти деньги нужно было куда-то устроить Верочку с квартирой и харчами.

Дема с Лизой обошли весь городок и не нашли ни одной семьи, которая бы согласилась принять Верочку за десять рублей. Все просили пятнадцать, двадцать и даже двадцать пять.

— У меня своих трое, будет спать с ними на полу.

— Она же маленькая, ей всего тринадцатый год, ест она чуть-чуть, и в квартире она займет какой-нибудь злосчастный уголок,—говорила Лиза.

На ее слова улыбались и отвечали:

— Нет, дешевле никак нельзя.

Дема хмурился, Лиза нервничала и ругалась:

— Какой жадный народ. Верочка и десяти рублей не просит. А не сходить ли к Лужову?

Но Лиза не осмелилась итти к строгому Лужову. Сама виновница хлопот, Верочка, твердила одно:

— Я пойду хоть куда, только не в коллектор.

Дема и Лиза снова пошли искать не жадных людей. Большие и нарядные дома они проходили мимо, выбирали победней и поменьше. На окраине города, в Крестьянской слободе, они нашли женщину, которая запросила 12 рублей.

— У нас только десять.

— Меньше двенадцати не могу, я на своих трачу по двенадцать, не стану же я вашу кормить отдельно и хуже.

— А за квартиру?

— Квартиру не буду считать. Если уже такое дело, пусть живет даром. У меня своих трое, будет спать с ними на полу. Только знайте, что призирать за ней мне некогда, и муж мой трубочист—грязный, и выпивает.

— Бить он Верочку не станет? — спросил Дема.

— Руки коротки, — и женщина зашевелила большими костлявыми руками, точно пред нею был пьяный и буйный муж, которого требовалось утихомирить.

Дема и Лиза в игрушечную школу-мастерскую были зачислены полными стипендиатами, как сироты; ОНО отпускало на их содержание по двенадцати рублей в месяц, из коих девять вычитались за питание и интернат, рубль—за стирку белья, а два выдавались на руки. Эти два рубля ученики называли „деньгами радости и чистоты", на них они покупали мыло, зубной порошок, ходили в кино, выпивали и курили.

Дема с Лизой уговорились уделять Верочке по рублю от своих „денег радости".

Верочка переселилась в Крестьянскую слободу, в семью трубочиста Всеволоса Банкина, где ей для спанья был отведен пол, для занятий табурет около семилинейной керосиновой лампы, для книжек—угол. В него она могла бросать свою сумку, приходя из школы.

Верочка пришла с Демой и Лизой, хозяйка кругообразным жестом руки показала на свою избу из двух комнат с расшатанным полом, с маленькими окнами и сказала:

— Устраивайся где хочешь.

Верочка облюбовала угол у печки и начала устраиваться, положила на пол узелок с бельем, книги, оставшиеся от матери, и к стене прикрепила семейную фотографию.

Дема видел, что жизнь для Верочки не будет сладкой, но промолчал, чтобы не расстраивать ее.

Она с первой же встречи подружилась с детьми Всеволоса: двумя девочками и сыном. Все они ходили в школу, а сын был в одной группе с Верочкой.

Дема с Лизой пообещали навещать Верочку и ушли.

На следующий день было собранье, где обсуждали, как будет праздновать школа Октябрьскую революцию, и Верочку никто не проведал. На третий день она сама забежала в игрушечную школу.

— Как живешь? — спросил Дема.

— На полу.

— Как так?

— А спим все на полу и занимаемся. Поставим лампу, а сами ляжем кругом нее.

— И едите на полу?

— На столе, сядем потеснее, и есть можно, а заниматься у стола нельзя, мешаем друг другу. Приходи, Демка, погляди хозяина — чудной.

— Противный?

— Совсем не противный, смешной и добрый и тетки Груши страх боится.

После ужина Дема с Лизой пошли посмотреть Банкина. Его они не застали, а застали, как семья жила на полу, ребята занимались уроками, тетка Груша штопала одежонку. Из мебели в доме был один небольшой столик, табурет и махорочный ящик. Но мебелью пользовались только во время еды, вся прочая жизнь семьи проходила на полу. На нем не только спали и учились, на нем и отдыхали, и работали, и играли.

Явился Всеволос Банкин. О своем прибытии он издалека оповестил громким пеньем, но в дом вошел тихо, постоял у порога, осмотрел всех хмельными глазами и спросил:

— Сама дома?

— Обулычел, не видишь,—откликнулась Груша.—Опять нажрался?

Всеволос давно уж не являлся домой в трезвом виде, но Груша ежедневно знала, что он не может быть не пьяным, все-таки спрашивала: „опять нажрался", она не замечала ненужности своего вопроса:

— Я, старух, маленько. Я, старух, угощенье принес. Поставь самовар.

— Деньги бы хоть раз принес.

— Деньги не пахнут, деньги не с'ешь, не выпьешь. Деньги нам—тьфу.

Всеволос сидел на махорочном ящике.

— Дурень, без денег издох бы.

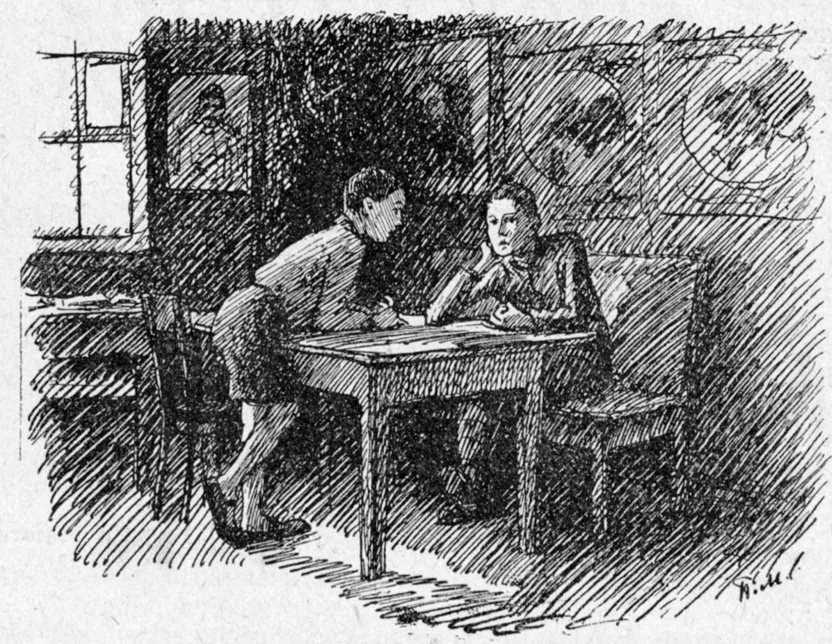
— Деньги — водичка, пущщай текут. У нас гости?—Всеволос подошел к ребятам, погладил всех своими черными от сажи руками и сказал:—Учитесь, разыскивайте правду.

— Ты бы, Всеволод, умылся,—сказала Груша, наливая самовар.

— Можно, для гостей следует,—Всеволос, а по-правильному Всеволод, пошел к умывальнику, но помылся кое-как и только размазал сажу.

Всеволос сидел на махорочном ящике и пытался неуверенными пальцами свернуть цыгарку. Дема и Лиза разглядывали его. Он был прелюбопытным, может быть, самым замечательным человеком в городке. Непомерно высок ростом, непомерно тонок и худ. Его нельзя было при встрече не приметить, а повстречавши хоть раз — забыть.

Человек раза в полтора выше среднего людского роста, на ходу как-то подпрыгивающий, точно механизм, свинченный из длинных палок, он заполнял своими руками и ногами тротуар во всю ширину.

Дема изложил Андронову свою семейную историю.

Вечно покрытый сажей, с бородой и волосами, не стриженными от рожденья, растрепанными ветром, когда он с крыш чистил трубы, Всеволос не мог затеряться в любой толпе, он бросался в глаза, как тавро, как поднятый черный флаг.

Поющий песни, когда улица пуста, без умолку говорящий о правде и справедливости, когда на улице люди, он был слышон, как никто. Издали Всеволос вызывал смех, как пародия, как чье-то шутовство, поблизости он пугал, а если оказывался совсем близко, то начинал привлекать своим правильным, красиво вычерченным лицом и отчаянно смелыми, независимыми, честными глазами.

Всеволос был неутомимым воякой за правду. Основным его делом было добиваться правды, чистить же трубы—занятием побочным. Он ежедневно появлялся в самых разнообразных частях и учреждениях города и никогда зевакой, а всегда по делу, и редко по своему, обычно по чужому, по делу правды и справедливости.

Подвернись Всеволосу мужик, ходатайствующий о снижении налога, он схватит его за руку, потащит в финотдел и там начнет доказывать, что мужика обложили зря, что вообще налог велик. Подвернись беспризорник, Всеволос поведет его в УОНО. Но истинным постом Всеволоса является касса социального страхования, где толпятся инвалиды, старушки, больные. Всех их взял Всеволос под свою высокую руку, он проталкивает их к главному врачу, добивается пособий, пенсий.

Много раз выгоняли Всеволоса из учреждений, отводили в милицию, составляли на него протоколы за вмешательство в чужие дела, но не вытравили в нем великой любви к правде и к людям. Своим упрямством и страстью он добился того, что его начали слушать, перестали водить в милицию. Всеволос добился для себя такой свободы, какой не пользуется ни один человек в городе. Он может прорвать цепь милиционеров, председателю исполкома сказать самые неприятные вещи, и ему за это ничего не будет. Все знают, что Всеволоса не заставишь молчать, что он говорит не ради себя,—и Всеволос говорит полным голосом. Случается, что он ночует в милиции, но туда его берут только за лишнюю выпивку. И в милиции с ним обходятся не так, как со всеми. С него там никогда не берут штрафа, потому что Всеволос попадает туда после того, как пропьет весь дневной заработок. За штрафом на дом к нему не ходят, с тетки Груши не требуют, он один несет все последствия своей любви к справедливости. Выпивает он каждый день, это началось с того, что после работы добрые люди ему подносили стаканчик. Потом он привык добавлять свой. Но пьяницей Всеволоса назвать нельзя, он всегда на ногах, у него всегда ясен ум, и он никогда не забывает правду.

Денег Всеволос домой не носит, там Груша обходится своими пятьюдесятью рублями, которые получает за сторожу Крестьянской слободы, но иногда у него появляется желание угостить свою семью, и тогда он приходит с сыром, баранками, колбасой и бутылкой водки. В такие дни непьющая тетка Груша выпивает рюмочку.

Вскипел самовар. Всеволос выложил на стол из карманов закуску и поставил поллитра водки.

— Угощайтесь, молодые люди, — сказал он. — Только водки я вам не дам, рано.

Угощались по очереди, потому что нехватало посуды и сидений. Всеволос, выпивая рюмку за рюмкой, толковал о справедливости, которую можно найти, но надо летать за ней коршуном, иначе она ускользнет.

Дема ушел от Верочки в тяжелом раздумьи, хорошо ли, что ее поселили в доме Всеволоса? Строгая тетка Груша, уважение к хлебу, забота Всеволоса о справедливости—это хорошо. Но жизнь на полу, теснота, пристрастие Всеволоса к вину—это пугало Дему.

Что будет с Верочкой после года-двух такой жизни, Дема не мог предположить. Он знал, что Лиза не может помочь ему ничем, и пошел советоваться к Андронову. Андронов подкупил его своей рассудительностью, знанием чего-то определенного, что сквозило в нем.

(Продолжение следует)

ИСКАТЕЛИ РАДИЯ

(К 70-летию со дня рождения П. Кюри и 30-летию со дня открытия радия)

Очерк А. КАЗАЧЕНКО
Рис. Н. КУЗЬМИЧЕВА

В УГЛУ СТАРОЙ МАСТЕРСКОЙ

Маленькая лампочка освещала сложный прибор, над которым склонилась голова женщины.

—...Несомненно, Пьер, это то, что мы искали... Вот смотри.

Из тьмы выступило худое угловатое лицо мужчины; глаза его устремились в одну точку, на стрелку прибора.

— Да, это так, Мари... Этот минерал во много раз сильнее других. Его действие даже сравнить нельзя с действием прежних препаратов.

— Обрати внимание, Пьер, здесь какая-то аномалия: очень мало урана в этом минерале, его действие должно было быть значительно слабее... Слушай, Пьер...

Молодая женщина схватила за руку своего мужа... Ее глаза горели, она выпрямилась...

— Слушай, Пьер ..—сказала женщина, мне кажется, что причиной аномалии этого минерала является не уран, а какой-то новый, неизвестный еще элемент...

Мужчина ничего не ответил ей. Он отошел от стола и сел в темном углу мастерской, заваленной старыми машинами. Долго длилось молчание. Его нарушил Пьер. Своим глухим голосом он стал развивать необычайно смелые мысли. Пьер и Мария Кюри всю ночь проговорили у прибора. Они забыли о том, что их ждут дома, они забыли про еду, забыли о сне. Когда утренняя заря окрасила горизонт на восточных окраинах Парижа, супруги Кюри вышли из старой мастерской.

ЛУЧИСТЫЙ

В эту ночь Кюри твердо решили—они будут искать неизвестное до сих пор вещество с удивительными свойствами:

1) это вещество испускает невидимые лучи;

2) лучи его сильно действуют на фотографическую пластинку;

3) оно делает воздух проводником электричества.

Мария Кюри назвала этот еще неизвестный элемент радием; она хотела указать, что этот элемент испускает лучи, так как слово „радий" значит лучистый.

Ровно тридцать лет тому назад супруги Кюри заявили в печати, что должно существовать удивительное лучистое вещество—элемент радий. И с этого времени начинается напряженная работа двух удивительных людей—работа, полная лишений, разочарований, надежд и успехов.

Мария Кюри установила, что урановая смоляная руда очень сильно действует на фотографическую пластинку и на воздух. Воздух делается электропроводным. С этих пор начинаются ее работы по добыванию чистого радия.

Но как быть? Где достать нужные средства? Никто не помогает, а своих денег нет. Негде работать. Ни одна лаборатория не дает места для этой работы.

Они покупают на свои сбережения нужную для добывания радия смоляную руду. Пьеру Кюри удается выхлопотать у Физико-Химической школы, в которой он был профессором, полуразрушенный сарай. В этом-то сарае Кюри устраивают свою первую радиевую лабораторию.

ЛАБОРАТОРИЯ В САРАЕ

Старый сарай был самым неподходящим местом для лаборатории, но другого помещения, ведь, не было.

Сарай был построен из досок. Между досками были большие щели; стеклянная крыша во многих местах протекала. В сарай принесли несколько старых сосновых стволов и поставили небольшую чугунную печку. Вот и вся обстановка этой удивительной лаборатории.

Кюри были молоды, они верили, что им удалось напасть на след нового вещества — радия, и они энергично взялись за его поиски.

Они привезли смоляную руду, купили необходимую посуду, химические реактивы и без помощников взялись за дело.

Скоро на столах появились различные сосуды с растворами обрабатываемых веществ.

Марии Кюри нужно было отделить от минерала все ненужные вещества, чтобы получить чистую соль радия. Для этого ей приходилось большие количества смоляной руды, около 20 килограммов сразу, обрабатывать особыми растворителями. Она очищала

полученные растворы, кипятила их в огромных чугунных котлах, выпаривала, переносила с места на место, переливала из сосуда в сосуд.

Зимой в сарае было очень холодно, печь плохо грела и дымила, вредные испарения клубами поднимались к потолку и оттуда падали холодными каплями. Летом прямые лучи солнца сильно нагревали воздух в лаборатории, и все те же испарения застаивались неподвижно в воздухе: было нечем дышать.

Так продолжалось два года. В сарае накопилось уже много разных сосудов. Часть из них стояла на столах, часть на полу. Куча руды, сваленной в углу сарая, заметно уменьшилась: это неутомимые Кюри перевели ее в раствор, выбросили все, что было им не нужно, и оставили только то, что они искали. Это искомое было заключено в растворенном виде в их склянках, но его было очень-очень мало.

ВОЛШЕБНАЯ ИЛЛЮМИНАЦИЯ

— Ну, Пьер,—сказала в конце второго года работы Мария Кюри,—теперь я совсем уверена в том, что мы получим новый элемент с еще более удивительными свойствами, чем мы предполагали.

— Что случилось? — живо спросил Пьер Кюри. Он долго болел и только теперь встал с постели.

— А вот увидишь; пока ты болел, моя работа сильно подвинулась вперед; ты будешь поражен... Пойдем в лабораторию.

Был теплый весенний вечер. В сумерках гудел Париж. Пьер и Мария Кюри быстро шли по направлению к Физико-Химической школе.

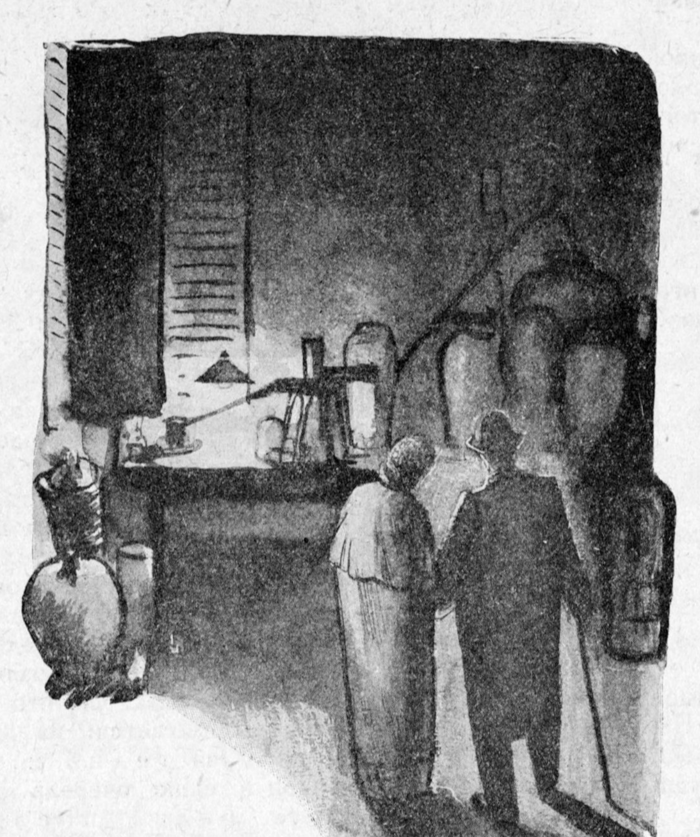
Они прошли в ворота к видневшемуся в глубине двора темному силуэту сарая—лаборатории. Во дворе никого не было. Они подошли к двери, и Мария распахнула ее.

— Гляди, Пьер,—сказала она.

Пьер Кюри сделал несколько шагов в темноту сарая и остановился пораженный.

— Мари, что это?

В глубине сарая светились тускло-голубоватые гигантские светляки; шаровидные, квадратные, змеевидные очертания каких-то неведомых существ висели в воздухе.

— Гляди, Пьер...

Мария Кюри повернула выключатель, и свет лампочки уничтожил все волшебство: на месте причудливых светляков оказались разной формы сосуды с темной жидкостью.

— Мари, это—наши препараты?—спросил Пьер Кюри.

— Да, Пьер, это наши препараты. За это время мне удалось получить более сгущенные растворы солей радия. Правда, радия здесь еще очень немного, но нетрудно догадаться, кто производит эту волшебную иллюминацию.

— Так значит, наш радий способен еще и светиться?

— Да, как видишь; мы открываем элемент со свойствами, которых нет ни у одного из известных до сих пор элементов.

Опираясь на руку своей жены, Пьер Кюри, еще слабый после болезни, ходил от стола к столу, наклонялся над сосудами с растворами, и подробно расспрашивал у Марии Кюри обо всех подробностях ее работы.

СТРАШНЫЙ ПРЕПАРАТ

Работа с радием расширялась...

Вскоре о нем заговорил весь мир... Газеты на всех языках писали об удивительном, чудесном, необыкновенном веществе. Имена Пьера и Марии Кюри были известны во всем мире.

Но жизнь их попрежнему была полна интересами науки. Дни и ночи проводили они в лаборатории. Здесь продолжались их замечательные исследования.

Как-то раз Мария Кюри заметила на руке своего мужа ожог.

— Пьер, чем ты обжог себе руку?—спросила она.

— Радием...

— Что ты? Как же это?

— Изучаю действие радия на кожу. Для этого я прикрепил к руке коробочку с препаратом радия. И видишь, заметно его действие после нескольких часов...

Через несколько дней ожог увеличился. Вскоре сошла кожа и образовалась большая рана.

Только через несколько месяцев упорного лечения рана затянулась. После этого Кюри как-то сказал:

— Я бы не вошел в комнату, в которой находится килограмм радия.

Лаборатория Кюри оживилась: в ней появились клетки с животными, появились врачи, которых также заинтересовал радий. Животных подвергали действию лучей радия... Появились пятна, ожоги, шерсть выпадала... После этого стали производить опыты над людьми, больными накожными болезнями. Оказалось, что радий быстро излечивает такие болезни, как туберкулез кожи, лишаи.

Так радий проник и в медицину.

ДРАМА НА УЛИЦЕ ДОФИН

Восемь лет уже изучают радий супруги Кюри. Уже во всем мире имя Кюри произносится

с почтением. Работы Кюри требовали больших денег и хорошей лаборатории.

Но ни того, ни другого нет.

В 1902 году французские ученые провалили кандидатуру Кюри при выборах в Академию Наук. А в 1903 году французское правительство, желая сделать приятное Пьеру Кюри, решило дать ему орден „Почетного Легиона". Но Кюри не принял ордена:

— Я совсем не нуждаюсь в знаках отличия, — ответил он министру,—но очень нуждаюсь в лаборатории.

Дела Кюри поправились только в 1904 г., когда они получили от Шведской Академии Наук, половину Нобелевской премии (100 тысяч франков). На эти деньги они расширили свою лабораторию, пригласили помощника для работ, а Пьер Кюри оставил часть лекций, отнимавших у него много времени.

Но восемь лет напряженной работы не прошли даром. Здоровье Пьера Кюри, и без того слабое, было подорвано. И вот они всей семьей весной 1906 года едут в деревню провести несколько праздничных дней.

Прекрасная погода, яркое весеннее солнце, отдых и игры с детьми оживили Пьера Кюри. Но он вспомнил, что у него есть дела в Париже:

18 апреля заседание Физического общества.

19 апреля собрание Ассоциации профессоров научного факультета.

— Поедем, Мари, и через два дня вернемся,— сказал он своей жене.

Та согласилась, и они отправились в Париж. Оба заседания прошли хорошо. Пьер Кюри возвращался домой в прекрасном настроении.

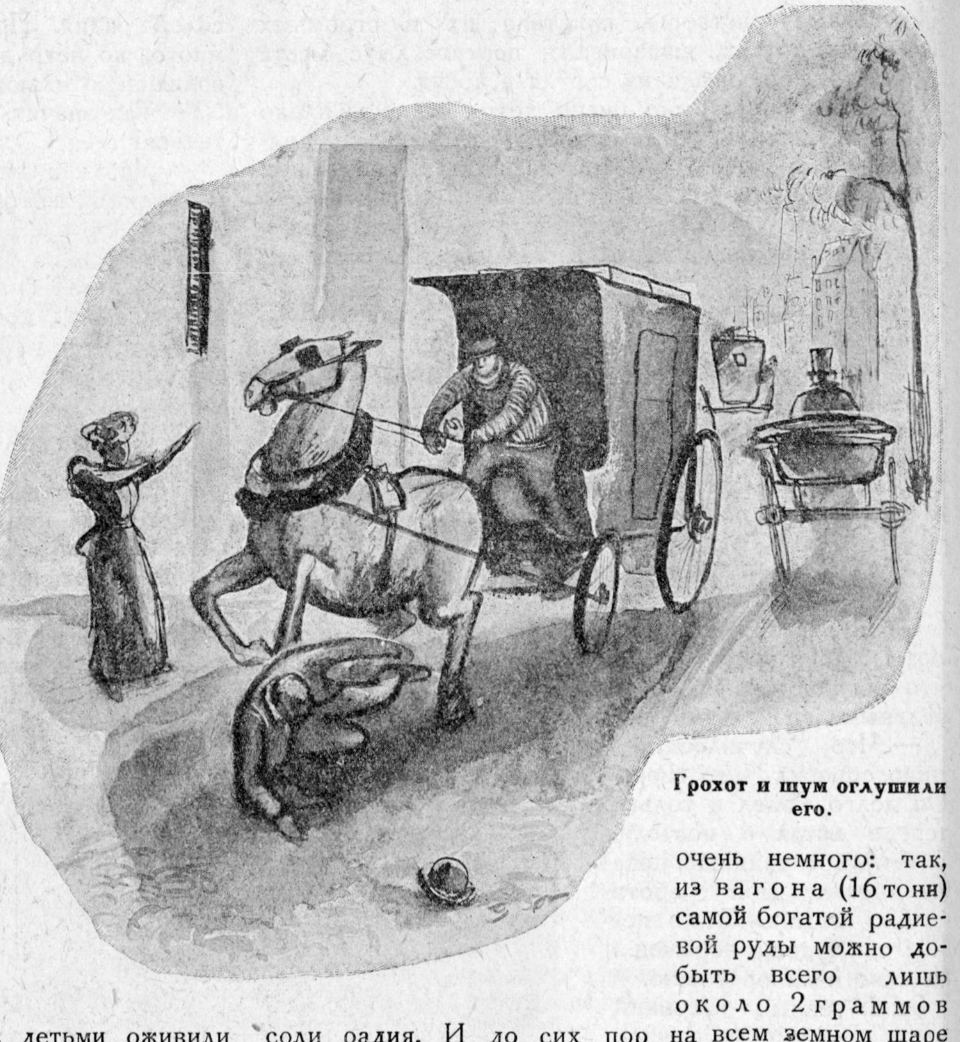
Вдруг грохот и шум оглушили его; он попал под колеса и потерял сознание...

Из-под колес его извлекли в безнадежном состоянии: рана головы была смертельной.

Он был похоронен на кладбище в предместьи Парижа без всяких почестей и без участия священников. Он не верил в бога.

Мария Кюри осталась одна. И одна она продолжала изучать радий. Еще 4 года напряженной работы и, наконец, в 1910 году Мария Кюри, преодолев огромные трудности, получила чистый радий. Он оказался серебристобелым металлом, плавился при темпаратуре около 700 градусов.

Но сколько она его получила! Это было ничтожно малое количество. Дело в том, что радия вообще

Грохот и шум оглушили его.

очень немного: так, из вагона (16 тонн) самой богатой радиевой руды можно добыть всего лишь около 2 граммов соли радия. И до сих пор на всем земном шаре добыто немного больше 300 грамм солей этого драгоценного металла.

В СССР радий добывается из руд, которые залегают в Средней Азии; весь полученный у нас радий поступает в распоряжение Радиевого института в Ленинграде. В этом институте занимаются изучением свойств радия. Теперь сотни ученых во многих странах мира изучают этот удивительный металл. Он уже произвел целый переворот в науке. Выяснено, что радий способен сам собою превращаться в другие вещества. Это явление необычное: ведь, радий элемент, а элементы не разлагаются на другие более простые вещества. И все же оказалось, что радий постепенно и медленно разлагается: из радия сперва получается легкий газ гелий и тяжелый газ — радон; радон в свою очередь распадается. В конечном счете радий превращается в гелий и свинец. Подобного явления наука до радия не знала.

Оказалось, что атом радия по строению чрезвычайно сложен, а такие сложные атомы очень непрочны: они взрываются рядом следующих друг за другом взрывов. При таких взрывах во все стороны летят осколки: легкие частицы-электроны и более тяжелые частицы—атомы газа гелия. И те и другие движутся невероятно быстро; они-то и производят все указанные выше действия (нагревавание, свечение, действие на кожу и пр.). И, наконец, основная масса атома, остающаяся в результате последовательного ряда взрывов, оказывается атомом свинца.

ДЕВЯТАЯ НЕДЕЛЯ

Очерк Б. ВИРКИНСА
Рисунки худ. А. БРЕЯ

ТЫСЯЧА ЧЕРНЫХ РЕБЯТ

Джиму было немножко не по себе. Представьте себе, что вы попали на собрание ребят черных, как сажа. Черные ребята кричат, орут, беснуются и об'ясняются на непонятном языке. Они обступают вас и стиснули так, что вы не можете повернуться, а вежливый переводчик бубнит вам в ухо, что вы обязательно должны произнести речь. Лопните, а произнесите. А голова у вас кругом идет, язык прилипает к горлу.

Джим был точно в таком положении, Правда тысячная толпа, которая его обступила, была не из черных ребят, а из белых. Зато сам Джим был черный, совсем черный негритенок. Он только недавно приехал из Америки и очень плохо знал по-русски.

Я сидел рядом с ним и всячески, и по-русски и по английски, убеждал его поговорить с ребятами. Но он только мотал головой, говорил „No". Ни в какую не хочет говорить.

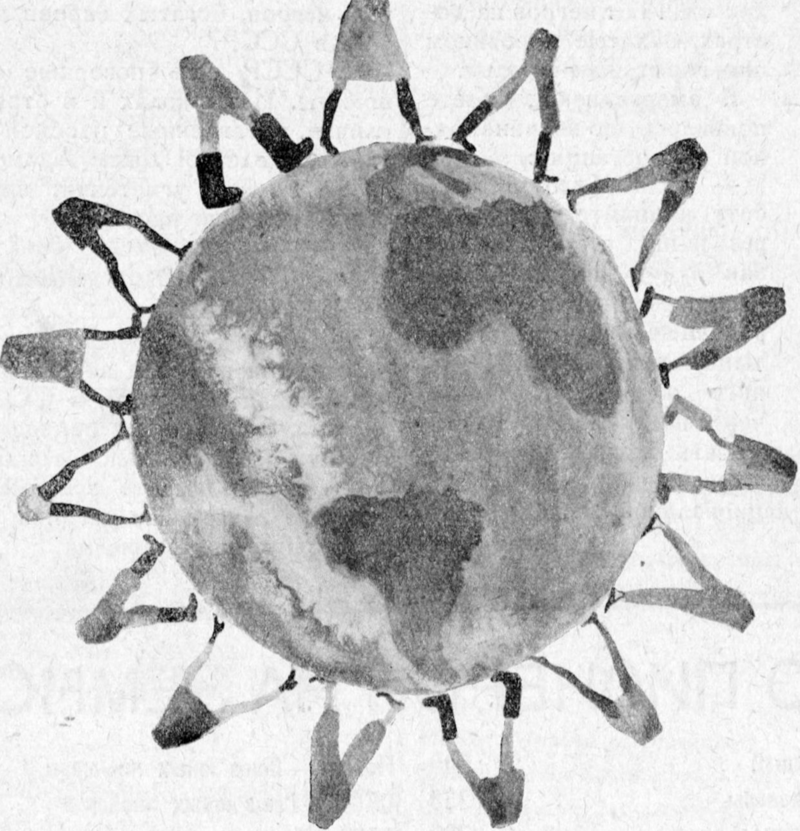
В конце концов он все-таки поднялся. Стало так тихо, как не бывает в пионерском клубе даже по ночам, когда там никого нет.

— Long live the yong pioneers!

Какой грохот поднялся зато после этих слов. Собрание хлопало, шумело, аплодировало, стены большущего зала дрожали, стекла звенели и даже извозчики на улицах удивлялись шуму и останавливались.

— Да здравствуют юные пионеры!

Вот что сказал черный Джим. Больше ничего.

Круглый год по земному шару топают пионерские ботинки.

КТО ВИДЕЛ ПЕРВУЮ МДН

Круглый год по земному шару уверенно и твердо топают пионерские ботинки, сандалии, валенки, сапоги, сабо—деревянные башмаки, и просто голые пятки, но есть неделя, когда вся эта обувь и голые подошвы топают еще тверже, еще уверенней, это—Международная детская неделя.

Девятую международную детскую неделю Джим празднует среди своих белых товарищей в Советской стране.

Кто из читателей помнит Первую международную детскую неделю — девять лет назад? Никто. И если какой-нибудь умник из пионеров-переростков будет утверждать и доказывать, что он видел первую МДН, когда ему было шесть лет—не верьте ему. Даже столетние старики не могли видеть первую МДН в Советской стране.

Очень просто, потому что первая неделя праздновалась в 1921 году только в одной Германии. Это была неделя пропаганды детского коммунистического движения.

Через год детскую неделю праздновали уже и в СССР, а через два года, когда неделя захватила еще несколько стран, германская полиция испугалась и выслала против пионерской демонстрации отряд броневиков.

И до чего храбрые были эти броневики. Разогнали, все-таки, детскую демонстрацию.

Удивительно смелые броневики!

Джим Адамс врать не станет, он, конечно, не помнит, ни первой детнедели, ни второй, ни третьей. Восьмую он помнит хорошо, а девятую встретит вместе с миллионами советских пионеров и школьников.

Нужно сказать, что революционные праздники расщедрились для ребят. Первое мая празднуется один день, МЮД—один день, октябрьские праздники—два дня, а тут—целая неделя.

Только отдыхать за эту неделю не придется, потому что неделя приносит с собой столько работы, что в будни никак не справиться.

ДВАДЦАТИЭТАЖНАЯ КОПЕЙКА

Первое важное дело—лучше связаться с заграничными товарищами. Ведь не в каждом отряде есть черный Джим, не в каждой школе он учится, не в каждом детдоме живет. Миллионы Джимов живут, работают и учатся за советской границей и с ними—крепче связь! Им—больше писем. Дружной артелью выкатим им на помощь большую интернациональную копейку. Такую, чтобы величиною с двадцатиэтажный дом. Из нескольких миллионов пионерских копеек получаются сотни тысяч марок,

десятки тысяч рублей. десятки тысяч долларов, тысячи фунтов стерлингов. Немудрено, что такая копейка вырастает в небоскреб.

Двадцатиэтажный пятачок.

РАССКАЗЫ ЧЕРНОГО ДЖИМА

Черный Джим может рассказать, как относятся к неграм в образованной, в цивилизованной стране—Америке.

Он может вам рассказать, как в некоторых штатах (округах) Северной Америки для негров, как для скота, отведены особые вагоны на железной дороге. Как белые американские фашисты—ку-клуксклановцы избивают, калечат и вешают негров по малейшему подозрению в преступлении против буржуазных законов. А слышали вы что-нибудь про то, как сжигают негров на кострах, облитые керосином они горят, как факелы.

В американской газете появилось об'явление одной радиостанции:

— **Алло! Алло! В субботу слушайте только через нашу радиостанцию, как будут линчевать настоящего негра. Все порядочные американцы услышат крики и стоны черного животного только через нашу радиостанцию.**

Вот что может вам рассказать черный Джим.

В Международную детскую неделю громче голос возмущения против национальной розни и угнетения в СССР!

Как в СССР?

В Америке преследуют негров, царская Россия угнетала и преследовала татар, калмыков, армян, украинцев и евреев, особенно евреев. Царская полиция не уступала в этом благородном деле американским фашистам. Крики линчуемых негров сливались со стонами убиваемых евреев во время погромов.

Конечно, и в России, и в Америке все это касалось негров-рабочих и еврейской бедноты. Богатых негров, богатых евреев не очень трогали.

А в СССР?

В СССР есть позорные остатки национальной вражды. И в школах и в отрядах слышатся гнусные клички, оставленные царской властью. Долой царское наследство! Джим Адамс больше, чем кто-либо, знает тяжесть угнетения, вместе с ним на нашем общем знамени напишем:

Долой национальную вражду!

В Девятую международную детскую неделю заведем переписку, если не с заграницей, то с братским национальным отрядом в СССР: с узбеками, с калмыками, с еврейским отрядом в Белоруссии или в Крыму, с татарскими отрядами в Татреспублике. Только не вздумайте все вместе переписываться с Джимом, можем вас уверить, что он не сможет ответить один на все письма.

СКОЛЬКО ПИОНЕРОВ НА ЗЕМНОМ ШАРЕ

Англия—Союз юных товарищей	600
Австрия—Красные юные пионеры	250
Аргентина—Детск. ком. группы	700
Германия—Союз юных спартаковцев	10.000
Голландия—Юные пионеры	300
Дания—Юные пионеры	100
Индонезия—(Ученики коммунист. школ) около	5.000
Канада—Юные пионеры	1.200
Китай—Пионеры	35—40.000
Корея—Детские группы за освобождение	неизвестно
Мексика—Союз красных пионеров	1.000
Монголия—Союз юных пионеров	3.000
Норвегия—Союз пионеров Норвегии	1.000
Новая Зеландия—Юные пионеры	50
Палестина—Юные пионеры	100
Польша—Союз юных пионеров	3.000
САСШ—Союз юных пионеров	4.000
СССР—Пионеры	2.000.000
Уругвай—Организ. коммунист. детей Уругвая	800
Финляндия—Союз организ. рабочих детей	3.500
Франция—Федерация рабоче-крестьян. детей	1.800
Чехо-Словакия—Юные пионеры	2.500
Швеция—Союз рабочих детей	2.000
Швейцария—Союз рабочих детских групп	500
Чили—Союз юных пионеров	неизвестно
Африка—Пионеры	50—70
Австралия—Пионеры	50
	2.081.900

ДВА МИЛЛИОНА ВОСЕМЬДЕСЯТ ОДНА ТЫСЯЧА ДЕВЯТЬСОТ

КУЗЬКА ПРОПАЛ!

Кто знает где Кузька?
ЧТО НАМ ДЕЛАТЬ БЕЗ КУЗЬКИ?
ПРЯМО ХОТЬ ЖУРНАЛ ЗАКРЫВАЙ!!

Текст Д. ХАРМСА Рис. А. ЛАПТЕВА

Тому, кто укажет нам, где Кузька, мы обещаем подарить настоящий аэроплан

Товарищи! Ищите Кузьку

Вот Кузькины приметы:

1) Большая шляпа, вот такая:

2) Выражение лица, вот такое:

3) Штаны, вот такие:

4) Ходит всегда очень быстро.

5) Страшно любит макароны.

По этим приметам всякий сможет узнать Кузьку.

К нам в редакцию пришел какой-то человек и говорит:

— Давайте, я у вас вместо Кузьки буду.

Ну, мы, конечно, его выгнали. Тоже нашелся! Разве кто может сравняться с Кузькой!

Вдруг кто-то из наших сотрудников предложил:
— В ,—говорит,—ступайте к матери Кузьки, может быть она знает, где ее сын находится.
Пошли мы к Кузькиной матери.
— Послушайте, Кузькина мать,—сказал ей главный редактор,—мы пришли к вам от редакции журнала «Пионер». Не знаете ли вы, где находится ваш сын?
— Нет,—сказала она,—не знаю.
— Что же делать?—сказал главный редактор.—Ведь если Кузька через два дня не отыщется, то мы и журнала не сможем выпустить.
— Почему?
— Потому что он у нас самый ответственный работник,—сказал главный редактор.—Кузьку любят все пионеры. Без Кузьки и журнала читать не станут.
Вернулись мы в редакцию мрачные и сердитые. Последняя надежда пропала. Уж если и Кузькина мать не знает, где Кузька, то кто же знает?

Мы разослали телеграммы во все концы Советского Союза:

ИЩИТЕ КУЗЬКУ. НАШЕАШЕМУ АЭРОПЛАН

Мы в тот же день получили несколько телеграмм:

— Напали на Кузькины следы. Ваня Прутов и Миша Канчин. Калуга.

— Кузька у нас в пионерском отряде. Аэроплан вышлите по адресу: Житомир, Антону Увалову.

— Видел, как какой-то человек в огромной шапке бежал через границу. Должно быть, Кузька. Себеж. Командир пограничной охраны М. Филимонов.

— Кузска у нас в зологическам саду. Харков. Коля 8 лет.

— Галабын зыболан кудыл пыга Кузька оулун палан. Сибирь. Ойратская область. Ойрат Содном-Пиллоо-Додди.

— Аэроплан мой, так как я знаю, где Кузька. Он в Ленинграде на Путиловском заводе. Рассказывает путиловским пионерам о своей поездке на Север. Володя Камышев

Где же Кузька на самом деле?

Может, Кузька провалился.
Может быть, быть может так.
Если Кузька провалился—
Это плохо, если так.

Может, он попал под поезд.
Может быть, быть может так.
Если он попал под поезд—
Это плохо, если так.

А, быть может, он уехал.
Может быть, быть может так.
Если он совсем уехал—
Это плохо, если так.

Может, Кузька в Амстердаме,
Может быть, быть может так.
Если Кузька в Амстердаме—
Это плохо, если так.

Может, Кузька у индейцев.
Может быть, быть может так.
Если Кузька у индейцев—
Это плохо, если так.

Может, к нам он не вернется.
Может быть, быть может так.
Если к нам он не вернется—
Это плохо, если так.

Но, быть может, он вернется—
Это будет хорошо.
Если только он вернется—
Будет очень хорошо!

ПОЧЕМУ ТАК ГОВОРИТСЯ

Есть такой старый анекдот про хохла. Ехал он с праздника. Сперва песни пел и погонял волов. А потом заснул. Просыпается и видит: стоят волы и жуют жвачку. „Гей, лодыри, гей!", а волы ни с места. Тут только разглядел хохол, что воз зацепился за верстовой столб. Долго его разглядывал.

— Чтоб их за печонки схватило, понаставили столбов, где не надо. Честному человеку и проехать нельзя!

В старину жизнь текла медленно, люди не спешили. Поэтому и верст точно не отмеряли. А когда надо было узнать расстояние, частенько спрашивали у баб, которые ходили на богомолье в Киево-Печерскую лавру или другие знаменитые раньше монастыри. Можете себе представить, какая тут была точность? Осторожные люди говорили: „версты-то у нас баба клюкой мерила". Так и пошло. А еще более осторожные говорили: верст будет двадцать... с гаком [1]. А гак оказывался иной раз еще на двадцать. Как видите, точность тоже небольшая. Но слово понравилось и пошло жить.

Первые верстовые столбы приказал поставить московский царь Алексей Михайлович по дороге из Москвы в село Коломенское, где у него была летняя дача. Не так уж они там и нужны были, но царь любил показать себя человеком культурным и вводил всякие новшества. А московским людям непривычно было видеть высокие столбы среди ровного поля. Поэтому и людей, поражавших своим ростом, стали дразнить „коломенская верста". Дразнят и до сих пор.

Тот же царь хотел показать суд скорый и милостивый. И в этой самой Коломне, у дворца велел прибить ящик для жалоб и ежедневно прочитывал положенные туда „челобития". Челобития эти писались тогда на больших листах и свертывались в свитки. Поэтому ящик пришлось сделать длинный. Царь выносил свои решения, от него дело шло к „дьякам"[1], там застревало и тянулось потом долго. Поэтому и ящик стали называть не длинным, а долгим.

В конце концов перестали класть в него челобитья, а потом и самый ящик убрали. Но выражение „положить дело в долгий ящик" осталось и живет и теперь.

А суд был тогда тяжкий и страшный, не даром люди пытались обращаться, минуя судей, прямо к царю. Допрашивали не просто, как у нас теперь, а с „пристрастием", т.-е. с устрашением, с пыткой. Если обвиняемый не хотел сознаваться, его поднимали на дыбу, вытягивали суставы, а палач мерно бил его по спине длинным кнутом „длинником". Под ударами этого длинника, вися на дыбе несчастный говорил подлинную правду.

А если дыба и длинник не помогали, тогда обвиняемому под ногти забивали деревянные клинушки или железные гвозди. Тут уж подсудимый выкладывал всю подноготную. Даже и то, чего не было, выведывали таким способом мудрые судьи!

Таковы были московские выражения—подлинная и подноготная.

Теперь забыли их страшное происхождение и говорят эти слова попросту, без задней мысли.

[1] Гак по украински—крюк.

[1] Тогдашние чиновники.

Ржава правая

(*Продолжение на стр. 5*).

— Ферма опущена. К ночи мост будет вполне готов для пропуска поездов.

— Благодарю от лица службы, товарищ.

— Служим революции! Честь окончания работ вся принадлежит Хрящу, моему помощнику. Подробности рапортом.

— Ночью пропустите броневой. Впереди разведка на моторной дрезине. Будьте на чеку. До свиданья. Разговор окончен. Здесь штаб армии. Линия свободна.

День клонился к вечеру. Иван Иванович на мосту покрикивал на рабочих, подгоняя, и все поглядывал на солнце. Время шло к самому клеву. На закате мы все проверили, прибрались и, вызвав штаб, сообщили, что путь через мост открыт.

Иван Иванович подошел к теплушке с морзом и закричал:

— Эй, который из двух. Дылда? Головастик? Кто свободен от дежурства?

— Я, Иван Иванович,—хрипло отозвался Дылда осторожно высовываясь из теплушки.

— Довольно сердиться,—сказал Иван Иванович.

— Да мы не сердимся, Иван Иванович.

— Дурень! Не тебе, а мне довольно. Понял?

— Не так что бы.

— Идем на реку. Я тебя научу удить без задевов.

Скоро можно было видеть над рекою сидящими поодаль друг от друга Дылду и Хряща. Они ревниво поглядывали то на свой, то на чужой поплавок и то и дело таскали. Клев был в этот вечер бесподобный.

К темну, забыв междуведомственные раздоры, служба пути и служба движения на станции Ржава Правая об'единились у котелка с чудесною ухой. Обсасывая сладкие головки разваренных окуней, Иван Иванович приговаривал:

— Я ж о такой реке всю жизнь мечтал.

Ночью по мосту через Ржаву прогремел без остановки у нас броневой поезд. А к утру мы услыхали канонаду.

КАК НАМ УЧИТЬСЯ?

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО

ВСЕМ ПИОНЕРАМ И ШКОЛЬНИКАМ

Найдется ли в СССР хотя бы один школьник, который, положа руку на сердце, сказал бы нам, что умеет работать, умеет учиться, умеет отдыхать.

Голову на отрез—такого найти нельзя. Все мы работаем, учимся, отдыхаем без толку, тратим уйму времени даром.

Поэтому мы решили завести в журнале такой отдел, который помог бы вам правильно работать.

Такой отдел трудно поставить. Вы сами должны помочь нам в этом.

Поэтому мы и предлагаем вам уже с этого номера крепко сплотиться вокруг нашего нового дела—сделаться его соредакторами. Для начала мы печатаем программу нашего отдела. Она состоит из 24 бесед. Обдумайте каждую беседу и сообщите нам: годится ли она, не надо ли чего-нибудь изменить, не надо ли чего-нибудь прибавить. Ждем ваших указаний.

ВОТ НАЗВАНИЯ ДВАДЦАТИ ЧЕТЫРЕХ БЕСЕД

БЕСЕДА 1. Накануне занятий.—Подытоживание результатов летней работы, подготовка к новому учебному году.

БЕСЕДА 2. 1-й день в школе после летних каникул.—Общая ориентировка. Записная книжка, наметки плана работы.

БЕСЕДА 3. Первые впечатления и первые записи. — Как вести дневник своей работы в школе и вне школы.

БЕСЕДА 4. На общем собрании учащихся. — Как предварительно подготовляться к общему собранию. О чем и как говорить на общих собраниях.

БЕСЕДА 5. Начало занятий.—Как составить план своей работы на текущий учебный год. Как установить норму выработки по тому или иному предмету. Как правильно распределить и учитывать свое время. Как проверять выполнение плана своей работы. Основные положения об организации умственного труда учащегося.

БЕСЕДА 6. На общественной работе.—На заседании инициативной группы по организации того или иного вида работы, на заседании учебной комиссии, на общем собрании пионеротряда или ячейки ВЛКСМ. Выполнение обязанностей по школе внутри школы. Выполнение обязанностей по работе школы вне стен школы.

БЕСЕДА 7. На докладе или лекции.—Как подготовиться к слушанию лекции. Как вести себя в процессе слушания. Как фиксировать слушаемое.

БЕСЕДА 8. Самостоятельная проработка заданий.—Как работать над книгой. Как пользоваться картой, диаграммой и цифровым материалом.

БЕСЕДА 9. Любимый предмет.—Что значит „любимый предмет". Частые ошибки в выборе любимого предмета. Основные приемы изучения обществоведения, математики, естествознания, географии и иностранных языков.

БЕСЕДА 10. В лаборатории. Как наиболее правильно организовать свою практическую работу в физической, химической и в других школьных лабораториях.

БЕСЕДА 11. Письменные работы.—Как писать сочинения на определенную тему учебного характера, как писать доклад по проведению того или иного вида общественной работы. Как писать отчет о групповой проработке вопроса. Как письменно фиксировать результаты проработки того или иного предмета.

БЕСЕДА 12. На экскурсии. — Что и как смотреть, где и как фиксировать виденное во время экскурсии, в музее, на производстве, в природе.

БЕСЕДА 13. На практических занятиях вне школы.—План работы, метод выполнения и методы учета результатов практической работы.

БЕСЕДА 14. После занятий. — Как наиболее правильно организовать свой повседневный досуг. Отдых и развлечение их, взаимная связь. Что значит отдыхать. Что значит разумно развлекаться.

БЕСЕДА 15. За газетой.—Выбор газеты. Чтение газеты. Использование газеты для своей учебы и общественной работы.

БЕСЕДА 16. В библиотеке.—Как находить нужную книгу в библиотеке. Как использовать библиотеку для наиболее рациональной организации своего самообразования.

БЕСЕДА 17. План внешкольного чтения.—Что и как читать. Круги чтения. Организация систематического чтения. Учет прочитанного.

БЕСЕДА 18. Как смотреть и слушать.—В театре, в кино, на концерте.

БЕСЕДА 19. Как работать в кружке без руководителя.—Метод работы в кружке без руководителя. Распределение организационных обязанностей по кружку. Взаимопомощь. Коллективная проработка вопроса на основе индивидуальной подготовки.

БЕСЕДА 20. Кругом себя.—Как наблюдать и изучать явления окружающей тебя природы и общественной жизни.

БЕСЕДА 21. Перед зачетами. — Как подытоживать проработанное за год. Как лично проверить, что ты знаешь и чего ты не знаешь по данному вопросу. Как быстро просматривать материал, чтобы вспомнить пройденное и заполнить провалы.

БЕСЕДА 22. Летние каникулы.—Как использовать лето для пополнения своих знаний путем самообразования.

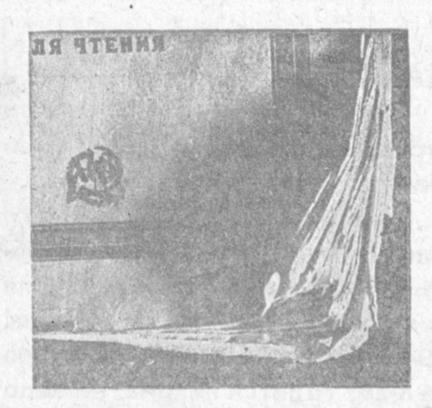
БЕСЕДА 23. Выбор учебного заведения. — Основные положения о выборе профессии. Как установить, в какое высшее учебное заведение рациональнее всего поступить.

БЕСЕДА 24. Подготовка к конкурсным экзаменам.—Что надо знать, чтобы выдержать конкурсный экзамен. Как подготовляться к конкурсным экзаменам. Как использовать сумму знаний, данных тебе единой трудовой школой, чтобы лучше и легче подготовиться к конкурсу.

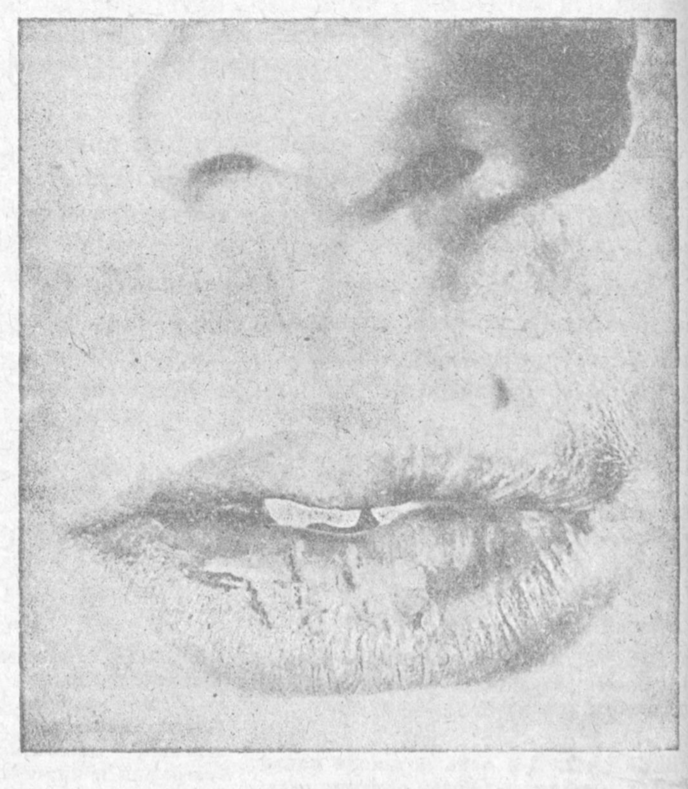
Руководитель отдела **И. Ребельский**

Цена 20 коп.

ВРЕДНЫЕ ПРИВЫЧКИ

Переворачивая страницы, не слюнявь палец; книгу читает много людей: на листах могут остаться микробы заразных болезней.

Не облизывай губ, особенно на морозе: от этого губы трескаются, это больно и неприятно.

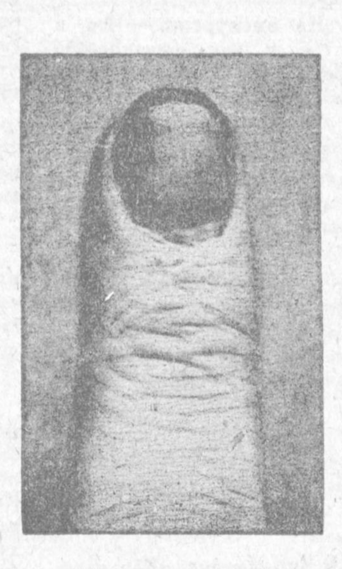

Если хочется пить, не глотай снега: можешь заболеть воспалением легких, плевритом, или ангиной.

Редакция журнала „Пионер" открыла обстрел вредных привычек в быту. Все читатели исполняют все, что здесь написано, как боевой приказ.

Не пей воды из немытого стакана.

Не грызи ногтей.

Не выходи на улицу с плохо вытертыми руками: кожа на руках может потрескаться.

Москва, Главлит А 36879 Изд. № 3.393. „Мосполиграф", 16-я типография, Трехпрудный, 9. 37.000 экз.